

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 3

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

Я задремалъ, главу понуря,
И прежнихъ силъ не узнаю...
Дожди. Господь. живящей бурей
На душу сонную мою!
 Какъ гласъ упрёка, надо мною
 Свой громъ призывнымъ прокати.
 И выжги ржавчину покоя,
 И прахъ бездѣйствія смети!
Да встряну я. тобой подъятымъ.
И, внявъ карающимъ словамъ.
Какъ камень отъ удара млата.
Огонь таившійся издамъ!..

Графъ А. К. Толстой.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 3

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

1 9 2 8

ПОБѢДИТЬ ПРАВОЕ ДѢЛО.

Сколь бы ни было вамъ трудно въ жизни и тяжело на душѣ, — вамъ беззавѣтно любящимъ Россію, — вѣрьте: *побѣдитъ правое дѣло!* И потому никогда не смущайтесь засильемъ зла: — оно временно и преходяще. Но ищите прежде всего и больше всего *правоты*: только она воистину *жизненна*; и только въ ней зародится и изъ нея возстанетъ *новая сила*, ведущая, спасающая и направляющая...

Побѣдить правое дѣло. Это совсѣмъ не означаетъ, что оно ограждено отъ земныхъ неудачъ, отъ временныхъ испытаній, отъ періодовъ, сочетающихъ подлинное страданіе съ видимымъ униженіемъ. Нѣтъ, все это не только возможно, но прямо неизбежно. И неисчислимое множество разъ люди, идущіе по правому пути, явно страдая и по видимости униженные, молились и еще будутъ молиться вослѣдъ за Сыномъ Божіимъ — и о томъ, чтобы чаша сія миновала ихъ, и о томъ, зачѣмъ покинуть ихъ Господь... Но именно въ этихъ молитвахъ — *послѣ Голгофы* — всегда будетъ жить глубочайшая увѣренность, что *правота суждена побѣда*, и что въ зримомъ «умираіи», въ «явной» неудачѣ — незримо готовится и творится *воскресеніе*.

Да, посетителямъ вѣрной идеи и праваго дѣла суждены часы неудачъ и страданій. Но всѣ эти неудачи и страданія образуютъ лишь *чистилище* для *будущаго подвига*, лишь *школу грядущей побѣды*. Ибо никто изъ людей не готовъ къ подвигу отъ самаго своего рожденія; но всякій нуждается въ долгомъ искусѣ, въ испытаніи и закаленіи. И среди другихъ народовъ, быть можетъ, больше всѣхъ нуждаемся въ этомъ закаленіи мы, русскіе. — съ нашей безхарактерной страстностью и съ нашей мечтательной безпечностью. Въ этой безхарактерности и съ этой безпечностью, въ хаотическомъ смѣшеніи добра и зла — *нельзя было далье строить Россію*: ни ея церковь, ни ея госу-

дарство, ни ея хозяйство, ни ея духовную культуру. Война и революція съ наглядностью доказали это; и доказавъ, ввели насъ въ періодъ суровыхъ испытаній и нещаднаго закаленія.

Вотъ уже десять лѣтъ длится этотъ періодъ. За это время намъ было показано обнаженное зло, для того, чтобы мы обратились къ Богу. Намъ были явлены безсовѣстность и безчестіе для того, чтобы мы утвердились въ совѣсти и чести. Изъ нашей среды выдѣлились величайшіе въ мірѣ предатели для того, чтобы мы сами укрѣпили свою вѣрность. Мы переживаемъ неслыханное безправіе и порабощеніе для того, чтобы научиться цѣнить справедливое право и вѣрную мѣру свободы. У насъ отняли всякое имущество и ввели коммунизмъ для того, чтобы мы поняли необходимость собственности, ея смыслъ и предназначеніе. У насъ погасили семью и родину. у насъ извратили естество солдата и арміи для того, чтобы мы постигли святость очага и Кремля. и священный смыслъ война. Въ нищетѣ и черной работѣ, въ уплотненіи, въ ссылкахъ или изгнаніи, окруженные соблазнами и опасностями — выстрадаваемъ мы *новое воспріятіе Бога, новое національное самочувствіе, новый укладъ характера, новое правосознаніе, новое отношеніе къ арміи и къ собственности.* Въ этомъ великин смыслъ нашего испытанія и закаленія. Въ этомъ наше служеніе Россіи — и внутри, подъ ярмомъ. и внѣ страны. въ зарубежномъ разсѣяніи. Мы должны принять эту чашу и испить ее до конца; мы не смѣемъ молиться, чтобы она миновала насъ; и мы должны быть твердо увѣрены, что на этомъ пути *мы не покинуты Богомъ.*

Дѣло не въ томъ, кто сейчасъ временно одолѣлъ; а въ томъ, кто *правъ* по самому существу. передъ лицомъ Божиимъ. Ибо существенная правота — вѣрна не только на небѣ, но и на землѣ; она не есть отвлеченная отъ жизни и ненужная міру «праведность»; но она есть *необходимая міру творческая жизненность*; она источникъ не слабости. а силы. не пораженія, а побѣды.

Дѣло обстоитъ не такъ, что міру нуженъ изворотливый инстинктъ, не вѣдающій добра и зла, а духъ — міру не нуженъ. Напрасно думать, что «добродѣтель мѣшаетъ жизни». что «честность есть достояніе глупцовъ», что «святость есть проявленіе слабости», что «сила всегда на сторонѣ беззащитнаго порока». . . Нѣтъ. Инстинктъ безъ духа есть разнузда-

ніе и извращеніе, раздоръ и гибель. Гнусна и обречена та жизнь, которая видитъ въ добродѣтели помѣху. Отнимите отъ ума честность, и умъ станетъ подлой, растлѣнной хитростью, любимымъ орудіемъ глупца. Святость всегда была великимъ источникомъ *жизнеустроенія*, зарядомъ творческой энергіи. А беззащитный порокъ можетъ импонировать только *слабымъ* людямъ: ибо только они воображаютъ, будто разнузданіе инстинкта дѣлаетъ человѣка сильнымъ; и именно потому они, вяло мечтая разнуздать свою слабость — идутъ въ узду къ беззащитнымъ и въ ярмо къ порочнымъ...

На самомъ дѣлѣ все обстоитъ какъ разъ обратно: земная жизнь невозможна безъ преданности, безъ вѣрности и безъ благородства; честность есть опора и проявленіе настоящаго ума; и права была древняя мудрость, утверждавшая, что всякій городъ держится своими праведниками. *Совѣстный человекъ есть очагъ жизненнаго здоровья* и жизненной силы, ибо онъ излучаетъ изъ себя *душевное равновѣсіе и справедливость*, и сосредоточиваетъ на себѣ всеобщее *уваженіе и довѣріе*. Напротивъ, злодѣй всегда будетъ началомъ общественно-организаціоннаго распада: ибо честные ненавидятъ и презираютъ его; соперники начинаютъ ему подражать, а слабые вступаютъ на путь пресмыкательства. Вотъ почему *правое дѣло* всегда имѣетъ въ самомъ себѣ залогъ своего будущаго роста и расцвѣта; а *неправое дѣло* остается всегда внутренне обреченнымъ. Ни въ личной душѣ, ни въ общественно-государственномъ дѣлѣ — *реальное, жизненное творчество не терпитъ злодѣйства*...

Злое начало *не жизненно*, ибо оно *безблагодатно* и *богоотверженно*; и его мнимое «творчество» есть на самомъ дѣлѣ *разложеніе*. Оно таитъ въ самомъ себѣ, въ своей душеразрушительной и духрастлѣвающей порочности — зерно гибели. Раскрываясь, оно само день и ночь работаетъ надъ приближеніемъ и ускореніемъ своего конца; и чѣмъ ожесточеннѣе его напоръ, тѣмъ вѣрнѣе и тѣмъ позорнѣе будетъ его конецъ. Можетъ ли быть иначе?

Что создано на свѣтѣ злобою, ненавистью, ожесточенной свирѣпостью? Ничего. — Отъ злобы душа каменѣетъ: отъ ненависти она слѣпнеть; свирѣпость раскалываетъ душу и истощаетъ ее. И вотъ, власть, проповѣдующая злобу и насаждающая ненависть, — истощаетъ и растрчиваетъ энергію *своего*

собственного правящего слоя и сама себѣ готовить озлобленнаго и свирѣпаго мстителя.

Какой общественный строй можетъ держаться на классовомъ своекорыстіи, на жадной склокѣ, на проповѣди мірового грабежа? Такая власть, *развязывая порочнаго лѣнтяя и запугивая трудолюбиваго* — мертвить жизнь страны и сама себя подрываетъ.

Зависть не строить, а губить и разрушаетъ. Ложь накапливаетъ разочарованіе и презрѣніе. Насаждающій сыскъ и предательство самъ будетъ однажды преданъ. Насиліе вызываетъ къ противонасилію. А безбожіе всегда вело массу только къ безстыдству и вседозволенности: и въ этомъ его рокъ.

Въ чемъ же можетъ выразиться «побѣда» злого начала? Только во всеобщемъ душевномъ, государственномъ и хозяйственномъ распадѣ. Но распадъ есть именно не здоровье, а зараженность и болѣзнь; не побѣда, а пораженіе.

Только правое дѣло — творчески жизненно! *Побѣдить можетъ только правда.*

И потому тамъ, гдѣ мы видимъ «побѣду» злого начала, мы говоримъ объ обманчивой видимости, о временномъ засиліи, скрывающемъ подлинную и обреченную слабость. Мы не отрицаемъ исторически даннаго факта; но мы отрицаемъ его творческую, его плодотворность, его *жизнеспособность*; мы отрицаемъ его *благодатность*, а потому мы не вѣримъ ни въ его силу, ни въ его *грядущее*. Мы признаемъ, что въ часъ всенародной смуты можетъ возникнуть злое засиліе. Но мы утверждаемъ, что оно продержится лишь до тѣхъ поръ, *пока въ души народа не зазвучитъ зовъ и звонъ благодатныхъ силъ духа*: религіознаго патріотизма, національнаго единенія и самоотверженнаго служенія...

Тотъ, кто ищетъ настоящей и подлинной побѣды, *побѣды отъ благодати*, а не отъ коварства, предательства и насилія, — тотъ долженъ идти по бѣлому пути: сначала утвердить въ себѣ *религіозно-вѣрное волеуправленіе*, этимъ обезпечить себѣ *немижимую, непреходящую побѣду*, и потомъ *накапливать для нея земныя силы*. Да, жизнь изобилуетъ такими положеніями, въ которыхъ слѣдуетъ становиться на сторону *временно-слабѣющую* и идти по линіи *наибольшаго сопротивленія*, по такой линіи, видимая, земная перспектива которой не сулитъ ни легкаго, ни быстрого успѣха. Почему? Потому, что именно эта

линія *ведеть дѣло Божіе на землю*; и потому. что всѣ остальные лінії *исключаютъ побѣду по благодати*.

Пусть твердятъ намъ. что черный вихрь исторіи будетъ еще долго бушевать надъ Россіей... Мы отвѣчаемъ увѣренно и спокойно: онъ будетъ бушевать лишь до тѣхъ поръ, пока не проснутся въ душѣ нашего народа благодатныя силы его духа. Но пусть не пугаютъ насъ сроками: что есть срокъ, когда смерть всегда сторожить каждаго изъ насъ у порога? что есть срокъ, когда подлинная побѣда религіозной и національной Россіи уже обезнечена нашей вѣрностью. нашей идеей. нашимъ служеніемъ. — нашимъ *знаменемъ*, *не нами* воздвигнутымъ и *не нами* освященнымъ? и что есть срокъ десяти лѣтъ въ тысячелѣтней жизни великаго народа?

Прежде всего и больше всего мы должны искать *правоты*; въ ней — *сила*; и сила соберется подъ ея знамя. Надо *служить дѣлу Божіему, не кривя, не торгуясь и не исчисляя Божіихъ сроковъ*. И вѣрить: проснется здоровая духовная глубина Россіи, умолкшая отъ военнаго утомленія, замутившаяся въ революціи и засыпанная мусоромъ пропаганды. Проснется. и застонетъ, и замолится о томъ, о чемъ стонутъ и молятся наши души уже десять лѣтъ. И тогда нашъ народъ пойметъ. что мы не враги его и не изгой, но и не льстецы и не растлители: что мы — его старшіе братья, насмерть борющіеся за его душу и за его разумъ, непоколебимо вѣрящіе въ его Православіемъ взрожденную совѣсть и въ его исконный государственный смыслъ.

И тогда правое дѣло побѣдитъ.

Редакторъ.

АРМІЯ.

Существуетъ мнѣніе, — въ наше время оно стало очень распространеннымъ, — будто послѣ великой войны, когда «народы устали», достаточно собрать молодыхъ людей (мужчинъ или женщинъ, все равно), дать имъ оружіе, обучить ихъ, какъ имъ владѣть, — и армія готова...

Въ наши дни военная техника стала весьма совершенна. Изобрѣтено множество машинъ для истребленія людей: пулеметы, дальнобойныя тяжелыя пушки, аэропланы, газы, танки... Но (хотя это и кажется неправдоподобнымъ) научить солдата владѣть сложными современными орудіями войны — легче и скорѣе, чѣмъ грешевымъ орудіемъ далекой старины.

Это не парадоксъ. Пулеметь состоитъ изъ сотни мелкихъ частей, гакъ, винтовъ, пружинокъ и колець: а шашка — изъ рукоятки, клинка и ножонъ. Но управлять пулеметомъ легче, чѣмъ рубить шашкой. Чтобы хорошо рубить, горцы и казаки съ дѣтства обучаются этому искусству: рубятъ лозу, глину, соломѣ; рубятъ по водяной струѣ — по водѣ, такъ, чтобы она не давала всплесковъ; по бараньей тушѣ, по свободно повѣшенному арбузу... И точно такъ же — научиться управлять мудренымъ танкомъ или броневикомъ легче, чѣмъ научиться ѣздить верхомъ на самой немудреной лошади.

Машина упростила и облегчила участіе въ войнѣ. Отсюда соблазнъ — сократить сроки службы. Отсюда соблазнъ — *учить солдата, но не воспитывать его*. Отсюда соблазнъ — дѣлать солдатомъ *всякаго* (и антимилитариста, и врага націи и родины — коммуниста)...

Армію называютъ великой молчальницей — «la grande muette». Ибо армія есть только покорное орудіе въ рукахъ правительства, слѣпо и безотговорочно исполняющее всѣ его предписанія. Но эта великая молчальница говоритъ самымъ

громовымъ голосомъ: голосомъ пушекъ и пулеметовъ; самымъ страшнымъ языкомъ — языкомъ смерти. Она убѣждаетъ самымъ жестокимъ способомъ — способомъ крови.

Какъ же высоко должно быть *воспитаніе* Арміи. изъ какихъ *рыцарственныхъ* элементовъ она должна состоять — для того, чтобы *имѣть право переступить черезъ кровь*; для того, чтобы быть готовой *отдать все*, — покой и уютъ, семейное счастье, силы, здоровье, и самую жизнь во имя Родины. во имя ея спасенія и блага.

Армія должна защищать Родину отъ враговъ, отъ *всякихъ* враговъ — «внѣшнихъ и внутреннихъ». Она должна отстаивать *неприкосновенность* границъ государства, обеспечивать въ странѣ *мирную жизнь*, оборонять Родину отъ порабожденія извнѣ и отъ униженія и разоренія изнутри. Если минувшая война была сурова — если она поставила подъ ударъ милліоны людей, никогда не готовившихся къ войнѣ, то грядущая война (а она придетъ, рано или поздно!) будетъ еще болѣе жестока . . .

Сильно развившаяся военная техника дастъ непріятелю возможность перенести войну за войсковой фронтъ, — глубоко въ тылъ, черезъ «позицію», устроенную арміей. Соблазнъ поколебать умы, вызвать у враждебнаго народа «пораженческую психологію» и тѣмъ принудить его къ сдачѣ — вызоветъ попытки разрушить жизненные, питающіе армію центры. Дальнобойныя пушки будутъ направлены на города съ мирнымъ населеніемъ. Аэропланы будутъ сбрасывать бомбы съ удушливыми газами и микробами, будутъ стремиться достигнуть центровъ управленія страной — столицъ, промышленныхъ и фабричныхъ районовъ, чтобы внести панику среди служащихъ, разрушить чиновничій, бюрократическій аппаратъ страны, прекратить работу заводовъ, разогнать рабочихъ. Спеціальныя арміи агитаторовъ и пронагандистовъ заблаговременно направляются въ тылъ, чтобы сѣять смуту. Забастовки, рабочіе безпорядки, митинги протеста противъ войны, пораженческая литература. — все это будетъ мутить и отравлять внутреннюю жизнь страны.

«Внутренній врагъ» не всегда различаемъ, плохо осязаемъ, трудно уловимъ. Онъ искусно прячется въ лукавыхъ сердцахъ. Онъ ходитъ въ овечьей шкурѣ социализма. Онъ соблазняетъ ложными посулами. Бороться съ нимъ тогда, когда онъ уже развернулъ красные флаги мятежа и вышелъ на улицу —

поздно. Жертвы въ столкновеніяхъ вызываютъ жалость и смутное сочувствіе къ бунтовщикамъ, и не ослабляютъ, но разжигаютъ и распыряютъ мятежное движеніе. Борются съ погромами. когда они уже начались и пошли, какіе бы они ни были, — погромы ли усадебъ, торговыхъ лавокъ и рядовъ, или еврейскихъ предмѣстій. — есть очень трудная задача. Поэтому Армія должна *умѣть предупреждать* эти болѣзненные вспышки: она должна имѣть такое вліяніе на народъ, чтобы одна мысль о существованіи Арміи — не допускала въ душахъ и желанія безпорядковъ.

И вотъ, во время войны Армія будеть защищать страну свою грудью отъ вторженія враговъ; она близко подойдетъ къ гражданскому населенію, и отъ ея поведенія и настроенія, отъ ея духа будеть зависѣть успѣхъ или неуспѣхъ. побѣда или пораженіе.

А въ мирные годы, не угрожаемые внѣшнимъ врагомъ, на Армію ляжетъ тяжелый и отвѣтственный трудъ такого *воспитанія* народа, чтобы никакіе безпорядки, никакіе погромы не были возможны. Это будеть дѣломъ не только Арміи, но прежде всего Арміи, какъ *живого средоточія волевой дисциплины* . . . —

Можеть ли Армія, при такомъ своемъ назначеніи, быть только *толпой*, обученной владѣть орудіями войны? Можеть ли она представлять изъ себя только вооруженную массу, не *объединенную общими, великими, религіозными и государственными идеями*?

Чѣмъ лучше будеть вооружена такая толпа и чѣмъ она лучше будеть владѣть своимъ оружіемъ, *тѣмъ опаснѣе она будеть для самого государства*. Не воспитанная заранѣе въ духѣ самоотреченія и жертвы.—въ пору войны, ея опасностей и страховъ она дрогнетъ передъ врагомъ. Въ ней встанеть *свое, личное*. Она до ужаса осознаеть силу военнаго оружія. — не своего для непріятели, а непріятельскаго для себя. — и побѣжить, все разрушая на своемъ пути. Въ пору мирной жизни не воспитанная въ духѣ дисциплины и повиновенія, она забудеть свое призваніе къ «великому молчанію», и, отдаваясь различнымъ теченіямъ, сама внесетъ въ государство кровавый бунтъ — военный мятежъ . . . —

Армія есть какъ бы *лицо государства*. Армія есть то открытое, по чему сосѣди судять о его силѣ, монци и значеніи.

Воспитана Армія, дисциплинирована, отлично вооружена, хорошо одѣты ея солдаты, сыты, здоровы и сильны. — и сдержаннѣе языкъ ея сосѣдей, скромнѣе ихъ притязанія.

Армія есть *школа для народа*. Не только потому, что черезъ ея ряды при всеобщей воинской повинности проходить почти все мужское населеніе націи и учиться въ ней долгу, мужеству и патріотизму, но еще и потому, что Армія проникаетъ во всѣ слои общества и по ея поведенію на маневрахъ, ученьяхъ, смотрахъ, по *виду* ея офицеровъ и солдатъ, по ихъ *поступкамъ*, по ихъ *разговорамъ* всѣ судятъ о духовной силѣ своего государства, всѣ учатся уважать и любить свое отечество.

Но Армія — не вооруженный народъ: и вооруженный народъ — не Армія. Нельзя воспитать весь народъ, какъ Армію: но надо выдѣлить изъ народа нѣкоторую часть его, сдѣлать изъ этой части офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и кадровый составъ, и сказать про нихъ — *это Армія!* И все, что волеется въ нее, должно быть во всемъ имъ подобно.

Эта кадровая Армія должна блюсти и разумѣть *религіозный смыслъ* своего бытія: она должна быть Арміей *христіанской*, христіолюбивымъ воинствомъ, ибо только заповѣдью Христовой — возлюбить ближняго своего такъ, чтобы положить за него свою душу — могутъ быть обоснованы и пріятіе оружія, и своя и чужая кровь, и муки раненія, и самая смерть.

«Воины благочестивые, славою и честію вѣнчанные!»

Эта Армія должна быть *патріотичной*. Она должна любить Родину, не критикуя ее; она должна умѣть цѣнить ея прошлое, понимать и прощать недостатки этого прошлаго и любить величіе, красоту и славу своихъ предковъ.

«Горжусь, что я — Русскій!»

Армія должна быть *духовно скромна, не стяжательна, гостепріимна, добра*, готова на всякій прекрасный порывъ и на великую жертву.

Армія — *рыцарскій орденъ!* И народу своему она несетъ защиту и помощь, а не обиду и утѣшеніе.

«Обывателя не обижай — онъ насъ кормитъ и поитъ. Солдатъ не разбойникъ».

Въ своей внутренней жизни Армія должна быть *дружна*. Ея члены — братья. Не равные, не товарищи, но *братья*. Ни подконовъ другъ подъ друга, ни интригъ, ни подсиживанія, ни

карьеризма, ни сплетень, ни наущиванія, ни подлизыванія къ старшимъ, ни амигошонства — въ Арміи быть не должно.

«Зри въ части семью. Въ начальникѣ — отца, въ товарищахъ — братьевъ». «Нога погу подкрѣпляетъ, рука руку усиляетъ». «Чудо богатыри! Богъ васъ водить — Онъ вамъ генераль».

Этими завѣтами *Суворова* должна жить и дышать Армія.

Всегда и вездѣ она должна быть образцомъ *воинскаго долга* и *самопожертвованія*. Можетъ ли быть воинскій чинъ. — офицеръ или солдатъ, — пьянъ? Можетъ ли онъ непристойно вести себя? — грабить, насильничать, брать «подарки отъ благодарнаго населенія». высказывать паническіе взгляды, поддаваться пораженческому настроенію, критиковать свое начальство и свой полкъ?

«Нашъ полкъ», его Знамя, его прошлое, его традиціи — *святыня* для солдата!

Въ Армію должны идти не только физически наиболѣе крѣпкіе люди, но и *самые сильные духовно*, съ воспитанною, твердою волею. Принадлежностью къ Арміи надо *гордиться*. И весь народъ долженъ любить свою Армію и отдавать ей все лучшее. Семья должна отдать въ Армію лучшаго ребенка; коннозаводчикъ — лучшую лошадь; фабрикантъ — лучшее издѣліе; заводчикъ — лучшую машину; рабочій — самую тщательную свою работу.

Если я въ Арміи — то я горжусь и я счастливъ тѣмъ, что я въ Арміи, что я солдатъ.

«Мы — Русскіе солдаты!»

Если же мнѣ не дана эта высокая честь, то я *горжусь* тѣмъ, что у меня, въ моей Родинѣ, въ моей Россіи — такая прекрасная Армія. Я снимаю шапку передъ ея знаменами. Я съ уваженіемъ смотрю на своего отца, на своего брата, на своего сына въ его военномъ мундирѣ. Онъ — рыцарь! Онъ — лицо нашего народа. По нему судятъ и обо мнѣ. —

Въ прошломъ и Армія грѣшила противъ всего этого, и мы грѣшили противъ нея. Особенно тѣ, кто называется «обществомъ». Развѣ не было въ русскомъ обществѣ, какъ въ сказкѣ про Иванушку-дурачка: «У старинишки три сына. Старшій — умный былъ дѣтина . . .» — и пошелъ въ институтъ инженеровъ путей сообщеній, или на юридическій факультетъ универси-

тета (карьеръ!... инженеръ!... адвокатъ!... любовь женщины... деньги... слава...).

— «Средній былъ и такъ и сякъ...» — и пошелъ на физико - математическій или естественный факультетъ (семья... профессора... учитель... «Хоть денегъ и не много, за то хорошая репутація въ обществѣ...»).

— «Младній вовсе былъ дуракъ...» — и пошелъ въ юнкерское училище (нищета... казарменная вонь... солдаты... «Мы свою дочь не можемъ за него отдать — онъ офицеръ въ полку...»).

Тяжело было Русской Арміи. Она была изолирована. По она держалась — Трономъ. Неизмѣнно, традиціонною любовью, милостями и трогательнымъ вниманіемъ Россійскихъ Государей къ Арміи. Мы же, общество, мы если и подходили къ Арміи, то или съ снисходительной насмѣшкой («Полковникъ Скалозубъ, прикажете принять?»), или съ сентиментальнымъ и любопытствующимъ сочувствіемъ (капитанъ Тушинъ. Максимъ Максимычъ, купринскій Ромашовъ). —

Строя великую, могущественную, славную, честную, христіанскую и православную Россію, — мы должны отвѣтственно и заботливо подойти не только къ *вооруженію* и *обученію* ея Арміи, но и къ *отбору* въ эту Армію всего лучшаго, всего благороднаго, прекраснаго въ полномъ значеніи этого слова; — и, далѣе, къ *воспитанію* дѣйствительно *христілюбиваго, побѣдоноснаго Россійскаго Воинства*. Такъ, чтобы съ Русскою Арміей всегда былъ «Богъ крѣпокъ, Властитель, Начальникъ мира». Ибо этотъ необходимый Россіи миръ, миръ прочный. и внѣшній, и внутренній, дастъ ей только такая Армія, которая будетъ покорна сему великому «Начальнику мира»: Онъ — «Богъ крѣпокъ! Чуденъ Совѣтникъ — миру его нѣсть предѣла!...»

Таковы завѣты Суворова. Они указуютъ намъ путь.

П. Красновъ.

Ноябрь. 1927 г.

Отъ редакціи: Въ четвертой книжкѣ «Русскаго Колокола» будетъ помѣщена статья П. Н. Краснова: «Казаки. Ихъ прошлое, настоящее и возможное будущее».

БУДУЩЕЕ РУССКАГО КРЕСТЬЯНСТВА.

Мы должны вѣрно предвидѣть будущее; знать чего мы хотимъ; и хотѣть только того, что ведетъ къ величію Россіи.

Величіе Россіи требуетъ, во-первыхъ, *духовнаго оздоровленія русской интеллигенціи*, этого служилаго, организующаго и воспитывающаго слоя: національная соль должна возстановить свою силу.

Величіе Россіи требуетъ, во-вторыхъ, подъема русскаго земледѣлія и русской промышленности; и прежде всего — *хозяйственнаго и культурнаго расцвѣта русскаго земледѣльческаго класса, крестьянства*.

Крестьянство составляетъ *количественно основной массивъ* русскаго народа: до трехъ четвертей всего населенія. Такъ было и до революціи: изъ каждаго десяти человѣкъ, самостоятельно зарабатывавшихъ себѣ пропитаніе, отъ семи до восьми человѣкъ работали такъ или иначе на землѣ; и въ этомъ отношеніи всѣ остальные страны уступали Россіи.

Это означаетъ, что въ вопросахъ *физическаго труда, колонизаціи, арміи и рынка* крестьянство являлось въ Россіи главной, — хотя и пассивно-стихійной, — творческой силой. По-прежнему, какъ и сто лѣтъ назадъ, русскій простой человѣкъ въ массѣ былъ проникнутъ «духомъ земли» и внутренне ведомъ «властью земли»: этотъ «духъ» опредѣлялъ собою настроеніе русскихъ рабочихъ массъ; онъ продолжалъ процессъ многовѣковой колонизаціи русскихъ пространствъ; онъ слагалъ весь основной контингентъ арміи; и устанавливалъ уровень русскаго массоваго потребителя.

Въ то же время крестьянство оставалось въ Россіи главнымъ *хранителемъ русскаго національнаго уклада и быта*, — въ этомъ отношеніи являясь сразу и жертвой *инерціи* (въ хозяйствѣ и въ умственной культурѣ), и оплотомъ здороваго *консерватизма* (въ религіи, языкѣ, искусствѣ и государствен-

ности). Крестьянская масса всегда и всюду выступает, как сила народно-государственной косности, как сдерживающий и уравнивающий соціально - политическій грузъ. какъ стихія почвенности и дѣловитой трезвости. И всегда бываетъ такъ. что эти драгоцѣнные *консервативныя* свойства его проявляются тѣмъ продуктивнѣе и спасительнѣе, чѣмъ больше оно преодолеваетъ въ себѣ *реакціонную* — умственную и хозяйственную — *косность*.

Нынѣ, послѣ революціоннаго разгрома. уведшаго Россію на пути сознательнаго *разрушенія*, искусственнаго *упрощенія* и *сниженія*, когда всѣ остальные классы и слои населенія или разорились и почти погибли (землевладѣльцы. промышленники). или жестоко пострадали (интеллигенція. торговый слой. обученные рабочіе), — крестьянство. противопоставившее революціоннымъ бреднямъ и наскокамъ свою почвенность и цѣпкую дѣловитость. окажется тѣмъ *неистощимымъ резервуаромъ*. изъ котораго другіе слои и классы будутъ пополнять свои утомленные и подорванные силы. Ибо никогда не было и не будетъ государства, состоящаго изъ одного единственнаго класса (все равно — крестьянскаго, или пролетарскаго, или купческаго). всякое народно - государственное дѣло огромно и сложно; оно можетъ существовать только при пожизненномъ и потомственномъ раздѣленіи труда (*приспособленіе! обученіе! традиція!*). А потому не будетъ и одно-классовой Россіи. И наша страна будетъ расцвѣтать лишь по мѣрѣ того, какъ процессъ революціоннаго упрощенія и сниженія будетъ уступать свое мѣсто новому, органически-здоровому подраздѣленію Россіи на необходимые ей классы, слои и группы: рано или поздно будетъ *новый* промышленный классъ; будутъ *новые*, менѣе крупныя землевладѣльцы; *новый* купеческій слой; *новая* интеллигенція; *новый* квалифицированный рабочій. Все. уцѣлѣвшее послѣ революціи, однажды понадобится Россіи и встанетъ на свое мѣсто; все недостающее — будетъ постепенно восполнено изъ нѣдръ крестьянскаго океана.

При такомъ значеніи крестьянства въ нашемъ прошломъ и въ нашемъ будущемъ, — основной заботой грядущей русской національной власти должно быть *хозяйственное и культурное благосостояніе русскаго земледѣльца*. Это совсѣмъ не значить, что интересы крестьянства должны быть поставлены выше русскаго *всенародно-государственнаго интереса*: требовать этого

значило бы нести крестьянству безчестный демагогическій обманъ. а Россіи — медленное иноземное (торговое, промышленное и культурное) завоеваніе. Часть не можетъ стоять выше цѣлаго; и классъ долженъ служить родинѣ, а не обратно. Но это все же значить, что *будущее нашей родины обусловлено подъемомъ русскаго крестьянства*: если крестьянство будетъ культурно и хозяйственно хирѣть, то будетъ хирѣть и Россія: и расцвѣтъ Россіи возможенъ только при цвѣтущемъ земледѣліи и сознательномъ, богатомъ земледѣльцѣ. Это, конечно, не единственное условіе нашего величія, но условіе необходимое и основное.

Процессъ, который нынѣ совершается въ нѣдрахъ русскаго крестьянства полонъ глубокаго значенія для всего нашего будущаго. Это есть, съ одной стороны, процессъ *инстинктивной индивидуализаціи*, развязанный революціей; съ другой стороны, это есть процессъ *хозяйственного расслоенія*, происходящій вопреки революціи и всѣмъ ея снижающимъ и уравнивающимъ нажимамъ.

Революція прежде всего *развязываетъ* человѣка, ослабляя въ его душѣ всякіе удержки и выталкивая его — и своими потрясеніями, и своею пропагандою — изъ привычнаго и коснаго уклада. Въ революціи ослабѣваютъ всякіе удержки, — и внутренніе (религіозные, нравственные, семейные, связанные съ правосознаніемъ и чувствомъ долга), и внѣшніе (уголовная репрессія, военная дисциплина и т. д.). Это особенно чувствуется, конечно, въ деревнѣ — съ ея разбросанностью и трудной организуемостью. И революціонная пропаганда только поддѣлываетъ здѣсь то, что вызывается стихійными потрясеніями.

Такимъ образомъ, революція есть своего рода *распаденіе духовныхъ и общественныхъ узъ*. Въ этомъ распаденіи обостряется борьба всѣхъ противъ всѣхъ: каждый начинаетъ надѣяться только на себя самого; въ душахъ усиливаются соревнованіе и зависть; инстинктъ самосохраненія выступаетъ на первый планъ, ожесточается и *обособляетъ* человѣка; а авторитетъ павшей государственной власти, какъ бы распыляясь и разсасываясь годами въ странѣ, придастъ личному инстинкту человѣка нѣкій самоувѣренный алломбъ и тягу къ независимости. Люди нерѣдко испытываютъ и обозначаютъ это, какъ «освобожденіе» и «свободу». Точнѣе было бы обо-

значить этот процесс, какъ инстинктивную индивидуализацію или *усиленіе бытового эгоизма*.

Естественно и понятно, что вовлеченіе въ этотъ процессъ оказывается далеко не для всѣхъ полезнымъ и даже посильнымъ. Всякая бѣда, всякая встряска и обостренная борьба — оказывается по плечу болѣе сильному, изворотливому, напористому и беззащитчивому; и наоборотъ — легко подрываетъ слабого, вялаго и скромнаго. Зажиточный, предприимчивый и прижимистый крестьянинъ всегда сумѣетъ не только пережить тяжелое время, но и нажиться: тогда какъ безлошадный и незапасливый — распродастъ и растеряетъ все вплоть до земельного надѣла. Вотъ почему эпоха инстинктивной индивидуализації оказывается въ то же время эпохой хозяйственного разслоенія: и современная русская деревня одновременно выдѣляетъ кверху — растущій кадръ зажиточнаго, богатѣющаго земледѣльческаго слоя, а книзу — армію пролетаризованнаго крестьянства (исчисляемаго уже милліонами); и большинству этой «арміи» предстоитъ, повидимому, пережить на мнимомъ «соціальному обезпеченіи» суровые годы безработицы и голода, а впоследствии въ эпоху возсозданія русской промышленности пополнить своими остатками ряды настоящаго промышленнаго пролетаріата.

Все это означаетъ, что коммунистическая революція не только не смогла задержать тотъ великій хозяйственный процессъ въ русской деревнѣ, который въ государственномъ масштабѣ навсегда связавъ со свѣтлымъ именемъ П. А. Столыпина, но только болѣзненно ускорила его темпъ. Этотъ процессъ, сводящійся къ *распаденію сельской общины*, къ *творческому освобожденію личной инициативы*, къ *укрѣпленію личной собственности на землю* и *насажденію хуторского землевладенія* (со всѣми благими, хозяйственными и гражданственными послѣдствіями) — былъ грубо прерванъ въ первые годы революціи: и сверху — декретомъ объ отмѣнѣ частной собственности на землю и о «поравнительномъ» передѣлѣ земли среди трудящихся, и снизу — стихійнымъ увлеченіемъ крестьянства на путь всеразоряющаго и всеуравнивающаго «чернаго захвата» и «чернаго передѣла». Но затѣмъ въ низахъ наступило разочарованіе и отрезвленіе: раздѣлъ всей помѣщичьей земли прибавилъ крестьянамъ на кругъ всего около подь-десятины на живую душу (въ великорусскихъ губерніяхъ — около $\frac{2}{5}$ деся-

тины; въ малорусскихъ—больше) ^{*)}; къ тому же, въ общій котель ушла и масса крестьянской купчей земли; а передраги коммунистическихъ передѣловъ, поравненій, продналоговъ и т. д. вызвали не только обширное сокращеніе застѣва, но и могучую, неудержимую индивидуалистическую реакцію въ крестьянствѣ. Декретъ 1922 года вынужденъ былъ считаться съ этимъ возрожденіемъ *столыпинской стигіи* и дать ей нѣкоторый просторъ.

Этой стигіи принадлежитъ въ Россіи будущее. Революція отнюдь не создала этого движенія; напротивъ, она пыталась его подавить и исказить; но подавить его она не смогла; и все, что ей удалось — это увлечь его на уродливые пути черного захвата, замутить его уравнильнымъ соблазномъ и передѣломъ, судорожно ускорить темпъ его изживанія и тѣмъ придать всему процессу разорительныя для государства и болѣзненно-мучительныя для народа формы... Чѣмъ дольше продержится нынѣ совѣтская власть, тѣмъ болѣе убыточно для государства и тѣмъ болѣе болѣзненно для народа пойдетъ въ Россіи дальнѣйшая аграрная эволюція. Но пути ея — будутъ попрежнему *здоровые пути частной собственности, личной инициативы, гражданского полноправія и интенсивнаго хозяйства.*

Было бы одинаково наивно думать и то, что земля можетъ вернуться къ помѣщикамъ на прежнемъ основаніи и въ прежнемъ размѣрѣ; и то, что состоявшійся раздѣлъ помѣщичьей земли можетъ въ какой бы то ни было степени «разрѣшить» аграрный вопросъ въ Россіи.

Захваченная земля ушла въ общій котель; обычно она по нѣскольку разъ перемѣрена, передѣлена, изрѣзана и запахана; почти на каждомъ клочкѣ ея выросли революціонныя вождедѣнія, обиды и страсти, скопились революціонныя полупритязанія и полу-права; и нѣтъ на историческомъ горизонтѣ вѣроятій, чтобы появилась въ Россіи такая социальная и политическая сила, которая затѣяла бы и провела бы новый, «реставраціонный» черный передѣлъ. И если новая національно-государственная власть въ Россіи будетъ о чемъ-либо помыш-

*) Срв. данныя, приводимыя проф. В. А. Косинымъ въ его обширномъ трудѣ: «Основныя тенденціи въ мобилизаціи земельной собственности». Общанныя нами статьи В. А. Косинова будутъ печататься съ четвертой выжимки журнала.

лать. то не о дореволюціонныхъ правахъ на землю, таящихъ въ себѣ опасность новой гражданской войны. но о послѣ-революціонномъ вознагражденіи за землю, могущемъ упрочить національный миръ и всеобщее благоволеніе.

Аграрный вопросъ вообще нигдѣ и никогда не можетъ быть «разъ навсегда разрѣшенъ»: тѣмъ болѣе — посредствомъ чисто количественной передачи земли изъ однихъ рукъ въ другія. Аграрный вопросъ, какъ и всѣ живые общественные вопросы. разрѣшается только изъ вѣка въ вѣкъ черезъ *живое творчество*, которое необходимо будить и поощрять. и черезъ *живое равновѣсіе*, которое необходимо все заново поддерживать и возстанавливать. А планы «осчастливить разъ навсегда», — все равно «пожалованіемъ» или «уравненіемъ». всеобщимъ «надѣленіемъ» или всеобщимъ «изъятіемъ», — всегда будутъ наивнымъ ребячествомъ или порочною демагогіей. Нѣтъ и не можетъ быть единого аграрнаго рецепта для всѣхъ временъ и народовъ, своего рода «аграрной напаеи»: и давно уже пора разъ навсегда покончить со всякой аграрной алхиміей — и въ духѣ Маркса, и въ духѣ Генри Джорджа...

То, что нужно великой Россіи, не есть ни аграрная реставрація, ни аграрная утопія. Это есть *живое и творческое равновѣсіе между интенсивно ведущимся земледѣліемъ и интенсивно развертывающейся промышленностью*; то и другое на основѣ *частной собственности и частной инициативы*. И прежде всего — *крестьянинъ долженъ стать полноправнымъ собственникомъ и культурной, гражданственной личностью*. Внѣ этого — великой Россіи не быть.

Только частная собственность на землю — полная, свободная, безсрочная и наследственная — успокоить и удовлетворить русскаго мужика; только она пробудитъ и вызоветъ къ жизни всѣ дремавшія силы Микулы; только она покончитъ разъ навсегда съ тѣми зловредными пережитками татарскаго ига и крѣпостного права, которые подрывали у мужика вѣру въ «труды праведные» и питали его вѣковую неувѣренность и лѣнь. Русскому крестьянину необходимо дать всѣ мотивы и развязать всѣ его силы для того, чтобы *инстинктъ* его *захотѣлъ работать безъ оглядки и безъ удержу*, — чтобы онъ повѣрилъ наконецъ и людямъ, и землѣ, и вложилъ цѣликомъ въ обработку земли, какъ въ источникъ *своего собственнаго* (а потому и всенароднаго) богатства. А это ему дать только

полноправная частная собственность: она и только она научить его *творчески любить* — и землю, и жизнь, и родину. Тогда онъ пойметъ, что богатство добывается напоромъ на природу, а не на богатаго сосѣда: что богатѣють отъ интенсивнаго хозяйства, а не отъ «захвата» и «погрома»: что его личный, шкурный интересъ требуетъ не нарушенія правопорядка въ свою пользу («не пойманъ, не воръ»), а суроваго поддержанія правопорядка во что бы то ни стало. Частная собственность развяжетъ его хозяйственную инициативу, откроетъ ему глаза на «пользу науки», пробудитъ въ немъ правосознаніе и вѣрное чувство свободы, прикрѣпитъ его къ государственности и родинѣ. Россія рухнула прежде всего потому, что этого всего русскому мужику не доставало. Россія будетъ расцвѣтать по мѣрѣ того, какъ русскій крестьянинъ будетъ все это приобрѣтать.

Онъ долженъ стать не «богатѣющимъ мѣщаниномъ», притязательнымъ, самодовольнымъ и пошлымъ; но *личностью и гражданиномъ*. Конечно, будетъ и эпоха преобладающаго мѣщанства, особенно послѣ революціи. Но глубина русскаго Православія; но природная мечтательность и даровитость русской души; но патріотическое воспитаніе въ арміи; но облагороживающее вліяніе новой, выздоровѣвшей русской интеллигенціи — могутъ и должны овладѣть этой стихіей мѣщанства и прожечь ее изнутри и снаружи. Здѣсь необходима цѣлая система національнаго воспитанія, пробуждающая въ душѣ идвигающая въ душу *чувство собственного духовнаго достоинства*, — не заносчивости, не гонора и гордости, но *чувство христіанской призванности и рыцарственной чести*.

Да, только началами *собственности и чести* будетъ побѣжденъ и искорененъ въ Россіи духъ коммунизма и революціоннаго безчестія. Все будетъ полезно Россіи, что будетъ содѣйствовать этому процессу; и все будетъ ей вредно, что будетъ искажать его или задерживать. Здѣсь дѣло не только въ «народномъ образованіи» — въ двухверстной школѣ, въ дешевомъ обученіи, въ обиліи гимназій, народныхъ «университетовъ» и настоящихъ университетовъ: нѣтъ, вѣдь духовнаго, религіозно-волевого и орденаго *воспитанія* массъ — все это будетъ только разливать ядъ полубразованности, верхоглядства, претенціозности и пошлости, только подрывать и разлагать бытіе родины. А заваливать народную душу пустыми свѣдѣніями, не строя и не воспитывая народной духъ — значитъ взрапцивать

поколѣнія ловкихъ и свѣдущихъ безстыдниковъ, достаточно «образованныхъ» только для того, чтобы «нести Русь розно».

Это воспитаніе русскаго крестьянина на началахъ служенія и чести отнюдь не слѣдуетъ представлять себѣ въ видѣ какой-то «прекраснодушной проповѣди» или сентиментальнаго «уговариванія». Нѣтъ, это есть система живого, государственнаго и бытового воздѣйствія. Она должна начаться въ церковномъ приходѣ, который будетъ воздѣйствовать на своихъ порочныхъ членовъ; она должна продолжаться въ мѣстномъ самоуправленіи въ видѣ нещадной и крѣпящей борьбы съ безотвѣтственностью, безхозяйственностью, съ хищеніемъ и взяточною; она должна изливаться живыми потоками изъ національной арміи; и культивироваться въ особыхъ, всюду насажденныхъ, независимыхъ судахъ чести. Надо *приняться за всю стилию русскаго безчестія*, съ дѣтства подрывающую въ русскомъ человѣкѣ стыдъ и достоинство: начиная отъ негигіеничнаго жилища (повальное спанье въ избахъ) и матернаго ругательства, и кончая заномъ и укрывательствомъ краденаго. Русскій крестьянинъ долженъ остро почувствовать, что у него *есть честь, доброе имя и семейное (родовое) достоинство*; что ему *открытъ путь личной заслуги, почета и даже славы*; что онъ сынъ великаго народа, имѣющаго святыхъ и героевъ, и гражданинъ великаго государства, имѣющаго славныхъ царей, артистовъ и ученыхъ. И тогда онъ *возревнуетъ о совершенствѣ* и довершитъ дѣло совершенствующагося хозяйства — дѣломъ крѣпнущаго духа.

Проблема русскаго крестьянства есть проблема самой Россіи: ибо какъ возводить ея великое зданіе, если основной массивъ ея націи пребываетъ въ низинѣ? Не въ «демократіи» дѣло, а въ томъ *духовномъ и хозяйственномъ расцвѣтѣ народной души*, при которомъ даже водвореніе «демократіи» или «республики» не сулило бы странѣ быструю гибель...

Кто поведетъ Россію на этотъ путь? Кто сможетъ и захочетъ дать ей это?.. Будущее таинственно молчитъ.

Но кто бы ни былъ этотъ ведущій и дающій — диктаторъ, цезарь, бонапартъ или избранный законный государь — мы всѣ обязаны помочь ему, грядущему строителю Россіи.

И. А. Ильинъ.

АРІОНЪ ПУШКИНА.

Наперснику боговъ не страшны бури злыя;
Надъ нимъ ихъ промысль, высокій и святой.

Пушкинъ.

Къ какимъ дѣламъ благоволитъ Богъ, тѣмъ
и вся тварь содѣйствуетъ; а отъ которыхъ
Онь отвращается, тѣмъ и вся тварь проти-
вится.

Марья Подвижница.

Въ далекихъ даляхъ прошлаго, едва доступныхъ пытли-
вости человѣка, великіе маги пѣли свои заклинанія. Они хо-
тѣли воплотить въ звучащихъ словахъ тайную жизнь духовъ,
властителей міра, хотѣли подчинить себѣ самую волю неви-
димыхъ силъ . . .

Маговъ не стало, но пѣсня не умерла. Рожденная стремле-
ніемъ человѣка къ невѣдомому, она вновь расцвѣла у *грече-
скихъ* алтарей. Въ ней душа смертнаго молилась божеству
просила у него знанія, милости и защиты: и боги открывали
пѣвцамъ свои тайны, оберегали ихъ отъ бѣдъ и зла . . . *Пѣвецъ
есть слуга и любимецъ боговъ*. — такъ думаетъ грекъ въ
миръ объ Аріонѣ.

Шли времена. — все глубже и богаче становилась природа
пѣсни. Человѣку открылось духовное естество Высшей Силы,
онъ позналъ ея присутствіе въ своей душѣ, и пѣсня зазвучала
для него, какъ *отзвукъ божьихъ глаголовъ*, подслушанныхъ въ
глубинѣ поющего сердца, какъ голосъ Вѣчнаго въ шумѣ зем-
ныхъ голосовъ. Духовныя очи пѣвца стали различать незри-
мое: за дымной пеленой повседневнаго бытія имъ явился иной
міръ, подлинный и совершенный; въ простомъ земномъ пред-
метѣ они увидѣли мысль и любовь Творца . . .

Пѣвецъ есть *божье дитя*. Одержимый духомъ. онъ видитъ неизмѣнную правду. о ней поетъ. и пѣсня бережетъ его и спасаетъ.

Такъ думаетъ русскій поэтъ въ поэмѣ объ Аріонѣ. Пѣсню утверждаетъ Пушкинъ *святость пѣсни*. Мистеріей — возвѣщаетъ о мистеріи.

Пастъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напиргали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощныя веслы. Въ тишинѣ
На руль сложились, тапшъ кормщикъ умный
Въ молчаньи привилъ грузный челнъ;
А я — безпечной вѣры юнцъ —
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лопну вольнъ
Измятъ съ палету вихорь шумный...
Почибъ и кормщикъ и летовецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На беретъ выброшенъ прозою.
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Супу на солнцѣ подъ скалою.

Въ чемъ же спасающая правда пѣсни Аріона?

Для того, чтобы овладѣть этой правдой, надо помнить, что пѣсни Пушкина, подобно созданіямъ природы, окутаны тѣнями несчетныхъ міровъ и. въ образѣ малой части, говорятъ обо всемъ. обнимающемъ ее, великомъ цѣломъ. «Словъ немного». — пишетъ о Пушкинѣ Гоголь. — «но они такъ точны, что обозначаютъ *все*. Каждое слово необъятно, какъ поэтъ». Надо помнить, что въ ясной глубинѣ этихъ пѣсенъ обитаетъ *сила, незримо созидаящая жизнь вселенной*.

Эта сила скрыта такъ. что ее не видитъ земное око, не слышитъ слабый и разсѣянный слухъ суетной души. Она тамъ. гдѣ не началось еще и уже кончилось время, гдѣ все старо. какъ вѣчность. и юно, какъ прозябающій подспѣжный цвѣтокъ. Поэтъ находитъ ее, «въ нѣмой тѣни дубовъ». въ прохладѣ листвъ, на берегу пустыннымъ. въ заоблачной кельѣ горнаго монастыря. Ея огонь—въ мрачной душѣ демона, впервые умиленной сѣяніемъ красоты; она близка и тому. кто томится духовною жаждой. Она вездѣ: она одѣваетъ траву полевую, питаетъ птицъ небесныхъ и *говоритъ устами избранныхъ людей*.

Для того, чтобы понять пѣсни Пушкина, надо помнить, что *надмірною духовною силою* сотканы ткани ея прекрасныхъ одеждъ. Подобно тому, какъ зерно таить въ своей простотѣ — и нѣжныя формы, и благоуханное убранство новыхъ цвѣтовъ, такъ лучъ откровенія, зажженный Божиимъ Духомъ въ души поэта, несетъ въ себѣ благодатное цвѣтеніе пѣсни. Озаренная новымъ огнемъ, душа пѣвца такъ находитъ слова и такъ вяжетъ ихъ въ стихи и строфы, что пробужденныя ими мысли, образы и напѣвы — все даетъ отблескъ нездѣшняго свѣта, творить новый міръ на старой землѣ.

Понять пѣсню Пушкина — это значитъ услышать и уразумѣть въ ея тайной музыкѣ тотъ единый звучащій лучъ, который прожегъ вдохновенное сердце поэта и разсыпался въ стронныхъ видѣніяхъ и окрыленныхъ ритмомъ словахъ.

Божій лучъ, горящій въ «Аріонѣ», есть откровеніе о *спасеніи пѣвца върою*. Пѣвецъ спасенъ потому, что онъ *правъ*, а правъ онъ потому, что *въра* поетъ его пѣсню.

Душа вѣритъ тогда, когда всѣмъ бытіемъ своимъ переживаетъ присутствіе Бога. Въ Немъ ея мысли, отъ Него ея воля, къ Нему ея любовь. Въ единеніи съ Нимъ она не печется о многомъ, ибо одно только ей нужно; и, полная Имъ, она свидѣтельствуешь о Немъ.

А я — безпечной вѣры полнь —
Пловцамъ, я пѣлъ...

Одиноко божье дитя въ пустынномъ мертвомъ мірѣ... То приобщеніе души вѣчному началу, которое создается опытомъ *въры*, не уводитъ человѣка отъ земного бытія. Душа, исполненная духомъ, все же есть частица земли: она приѣмлетъ міръ и живетъ въ немъ, но, живя въ немъ, она часто бываетъ *чужой* другимъ людямъ. Самое существо *въры* дѣлаетъ возможнымъ это *одиночество*. Ни одно слово, возвышенное выше человѣкамъ, не утверждало съ такой силой правоту и трагическое одиночество лучшихъ, какъ слово о верховной цѣнности религіознаго переживанія, доступнаго *не всѣмъ*: оно явило пропасть между тѣми, которымъ дано знать тайны Царства, которые рождены для вдохновенія и молитвъ, и — толпой, падкой на осязаемую пользу и суетный блескъ. Духовное свершеніе имѣетъ цѣну до своего воплощенія въ слова и дѣла. Слово

же и дѣяніе получаютъ свое достоинство и свой смыслъ отъ духовнаго акта. въ нихъ явленнаго. Но души. пустынно-мертвыя, — развѣ воспримутъ онѣ тайны Духа? Онѣ замѣтятъ, можетъ быть. его внѣшнее убранство и отвернутся отъ его глубины.

Одинокъ божье дитя въ трезвомъ, дѣловитомъ мірѣ. въ мірѣ холодныхъ интересовъ, безкрылыхъ усилій и резсудочной работы ума... Одинокъ потому. что по *инымъ* путямъ направляется *вѣра* душу человѣка. Тотъ. кто вѣруетъ. ищетъ основу и содержаніе своего бытія не въ своемъ преходящемъ земномъ опытѣ, но въ томъ духовномъ богатствѣ, которое ему открыто единеніемъ съ Божествомъ. Онъ живетъ не своими силами. не своимъ умомъ: онъ вслушивается въ тотъ тайный голосъ. который шепчетъ въ его совѣсти: онъ съ довѣріемъ принимаетъ священную истину. просвѣтляющей его разумъ. и «въ величавомъ уединеніи» бесѣдуетъ съ «оракулами вѣковъ». Какъ дитя. онъ ищетъ наученія въ благой волѣ Отца. Онъ чуждается корыстнаго земного труда. не засѣваетъ полей. не собираетъ возвращеннаго на нихъ колоса. но беззаботно мнетъ цвѣтущій дугъ своей «бродящей лѣнью». Его мечты уносятъ его дальше земныхъ цѣлей и. когда вѣра подвигаетъ его на дѣла. когда онъ соединяетъ свою судьбу съ земной борьбой многихъ и «единая» цѣль освѣщаетъ ихъ пути — *не одно и то же* дѣло вернутся совмѣстнымъ усиленіемъ. и *разные* жребіи ждуть борцовъ...

Насъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напругали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ
На руль склоняясь, нанѣ кормщикъ умный
Въ молчаньи править пружный челнъ;
А я — безпечной вѣры полнъ —
Пловцамъ я пѣлъ...

Пѣснь вѣры несетъ пѣвца отъ одиночества къ *избранности*; — мертвое молчаніе души. далекой Богу. приводитъ ее къ *гибели* въ земной бурѣ.

Спасеніе вѣрою исходитъ изъ самаго опыта вѣры. Въ немъ чудно слиты воедино — и порывъ души къ Божеству. и осѣненность ея Его благодатью: душа хочетъ познать. и уже знаетъ: она предаетъ Ему свою волю и уже слышитъ велѣнія:

она любить и уже тѣмъ самымъ любима. *Богъ не покидаетъ своихъ, одинокихъ въ мірѣ, дѣтей.*

Духъ Божій, овладѣвшій душой человѣка, создаетъ въ ней свое царство: устои и законы его отличны отъ тѣхъ основъ, на которыхъ заблудшіе люди хотятъ строить свою жизнь. Въ этомъ царствѣ столько свѣта, что душѣ пронизанной свѣтомъ кажется сѣрымъ все, что не приобщилось ея сіянію: этотъ свѣтъ, который есть излученіе подлинной природы Сущаго, раскрываетъ разуму такую правду о мірѣ, передъ которой ненужными становятся мелкія «истины» темныхъ людей. Интересы и заботы, удачи и неудачи «дѣтей ничтожныхъ міра» — теряютъ цѣну для духовно перерожденной души, и она живетъ *надъ* тѣнью жизни, ему не подвластная. Чуждая мелкимъ желаніямъ и никогда не удовлетворимымъ страстямъ, она становится *неуязвимой* для того, что лишаетъ ее преходящаго блага и невѣрнаго счастья. Когда вихрь разнузданныхъ страстей взмететъ до дна стихію жизни, и рабы конечной мечты, вовлеченные въ бурю, погибнуть въ ней — божье дитя найдетъ себѣ убѣжище въ своемъ царствѣ, предоставивъ мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ. Земные вихри, гибельные для тѣла и души, немощны передъ вѣчнымъ духомъ: сила его, побѣждая время и овладѣвая естественной смѣной причинъ и слѣдствій, превращаетъ земную стихію въ орудіе Высшей Воли, и гроза, роковая для смертнаго, спасаетъ божье дитя, хранимое тою Властью, что заклинаетъ вѣтеръ и море.

Духъ Божій, овладѣвшій душою въ пережитомъ ею актѣ вѣры, дѣлаетъ ее самою *источникомъ* Божіей правды. Ея дѣтское довѣріе къ высшей мудрости преображается въ непосредственную очевидность и въ чувство неизмѣнности Божіихъ откровеній. Вѣрная и сильная своей неизмѣнностью, она, какъ и прежде, какъ всегда, поетъ хвалу свѣтлымъ видѣніямъ.

Природа живетъ по законамъ той Силы, которая даетъ ей жизнь и красоту. Душа праведная, сотканная изъ лучей благодати и осознавшая свое единство съ Тѣмъ, Кто посылаетъ ее, *близка природѣ* и влечется къ ней. «Будьте мудры, какъ змѣи и просты, какъ голуби». Спокойно и лучезарно божье дитя подъ скалою своей вѣры. Вѣчное солнце горитъ въ его сердцѣ, и, превращая въ невидный паръ послѣдніе слѣды налетѣвшей на него бури, даруетъ ему радостное сознаніе своей правоты. Ибо блаженны избранныки.

Вдругъ, лоно водъ
Измятъ съ палету выхоръ шумный...
Потчѣтъ и формидать и плывецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою,
Я гимны прежнѣе пою
И ризу влажную мою
Суну на солнцѣ, подъ снѣгою.

Разныя силы направляютъ дѣла человѣка: и силы *души* съ ея думами, страстями и желаніями, и силы внѣшняго, видимаго *міра* вещей.

Но это не все: каждое дѣяніе связано съ *духовнымъ* началомъ жизни: судьбой его вѣдаютъ *вѣчные божественные законы*, которые тайно держатъ въ своей власти весь міръ.

Трезвые люди умѣютъ познавать только «реальныя условія» своего начинанія, умѣютъ «хорошо» использовать ихъ: но они не думаютъ объ его *духовномъ* смыслѣ и *духовной правотѣ*, не думаютъ до тѣхъ поръ, пока укоръ совѣсти не сломишь ихъ силы, или *неудача* не скажетъ имъ, что⁹ надъ ними есть *рокъ*.

А между тѣмъ во всѣ времена мудрецы и подлинныя поэты общаются съ Тайнымъ, и наполняя имъ свои вѣщія слова, учатъ другихъ идти путемъ вѣчной правды, беззаботно и радостно *вверять Богу свою судьбу*.

Вѣра есть путь къ знанію вѣчнаго. Въ знаніи вѣчной духовной основы жизни — мудрость: въ вѣрности ей — правота, сила и спасеніе.

Такъ говорить величайшій поэтъ, «таинственный пѣвецъ» Россіи, поэтъ, увидѣвшій русскую душу въ ея совершенной красотѣ и явившій въ пѣснѣ ея образъ — мудрый и величавый.

Да услышать своего пѣвца русскіе люди, оглушенные шумомъ земли. Да будутъ мудры ихъ помыслы, величавы дѣянія! И спасеніе -- придетъ.

Наталія Ильина.

БОРЬБА ЗА ДУШУ РУССКАГО НАРОДА.

Въ глубинѣ, въ основѣ всѣхъ событій, свершающихся въ Россіи, за всѣми виѣшними явленіями, за всей виѣшной дѣятельностью, за всѣми усиліями и борьбой, за всѣми переживаніями и за работой каждаго дня — происходитъ сейчасъ нѣкое основное дѣйствіе, нѣкое непрерывное, неослабное напряженіе, процессъ особой важности, особой значительности: борьба за *душу* русскаго народа.

Отъ того или иного исхода этой борьбы зависитъ *судьба* русскаго народа. Мы всѣ призваны участвовать въ этой борьбѣ — какъ живущіе въ разсѣяніи, такъ и находящіеся «тамъ». Болѣе того — это какъ разъ то *основное* дѣло, къ которому мы призваны. Оно должно питать всю нашу дѣятельность, всѣ наши заботы, всѣ наши думы о русскомъ народѣ; оно должно стать той нравственной стихіей, въ которой мы живемъ и которая должна господствовать и въ нашей внутренней жизни. Сознаніе постоянности, неотступности этого дѣла придастъ каждому акту нашей жизни, каждому звену, каждому «кусочку» нашей работы, даже самой будничной, самой обыкновенной — особую интенсивность, глубину и значительность; и отъ этого вся наша борьба выиграетъ и въ *силѣ* воздѣйствія, и во внутренней *цѣнности* своей. Жизнь и работа нашего дня станутъ *религиознымъ* напряженіемъ — во имя любви, призывающей насъ дѣлать *Божіе дѣло*. Ибо борьба за душу русскаго народа есть подлинно Божіе дѣло.

Это призваніе облагораживаетъ насъ и придаетъ смыслъ нашему существованію. Оно есть *высокій даръ*, данный намъ Богомъ. И недооцѣнивать его мы не можемъ, не смѣемъ. Въ томъ даръ Божій намъ, что мы особенно ярко чувствуемъ, что *всѣ мы призваны*: мы призваны служить Ему, отстаивая душу русскаго народа, и притомъ — *начиная съ собственной души*. Но отстаиваніе своей собственной души противъ міроправите-

лей и властей тьмы вѣка сего — крѣпнеть именно въ борьбѣ за душу нашего народа, крѣпнеть въ дѣлѣ любви. Въ томъ сила дѣла любви, что оно возвышаетъ и очищаетъ — и самого дающаго. и предметъ его воздѣйствія. У насъ есть великая возможность: такое поле дѣятельной любви рѣдко кому предлагалось съ такою настоятельностью и убѣдительностью. Самые событія. самый голосъ исторіи, сами внѣшнія обстоятельства нашей жизни и жизни нашего народа съ незаглушимой настоятельностью говорятъ намъ: «иди и служи на полѣ любви!» Въ этомъ наше богатство. — въ томъ, что голосъ призванія такъ громко. такъ немолчно раздастся намъ. Въ этомъ — «обратная сторона медали» всего ужаснаго, что мы переживаемъ: мы особенно ясно сознаемъ, что *мы избраны для служенія*. Всегда. всѣ мы, христіане, были и есмь избраны для служенія Богу на полѣ любви. Но никогда съ такою силою мы не сознавали этого. какъ теперь. Это та радость наша, о которой говоритъ Апостолъ: насъ огорчаютъ. а мы радуемся; мы ничего не имѣемъ. но всѣмъ обладаемъ... Т. е., конечно. если осуществляемъ призваніе. а не иначе. Иначе мы жалкій соръ. выброшенный на поприще людямъ; голые внутренно и виѣшне: нищія. не видящія своей нищеты и кичащіяся неприннадлежащимъ имъ духовнымъ богатствомъ. Ибо если мы не осуществляемъ его, то оно не наше. Если же осуществляемъ наше призваніе. то не имѣемъ времени и возможности кичиться; ибо оно требуетъ отъ насъ. чтобы мы *отдали себя* ему. Ему — Высшему въ насъ и надъ нами, Владыкѣ нашему. которому мы должны покорить свою душу и душу нашего народа, начиная съ нашей собственной души — Ему подобаетъ расти. а намъ умаляться.

Въ этомъ борьба за душу нашего народа: *покореніе ея Высшему содержанию жизни. прострляющему жизнь*. Не для какихъ-нибудь внѣшнихъ цѣлей. а просто потому, что это *дѣло любви*. Страждетъ и мятется душа русскаго народа и много на ней тяготъ. тяжелое бремя: и жаждетъ она *найти покой*; и много, много сердецъ и очей, все больше, въ съ болѣею жаждою обращается къ тому Источнику покоя. который говоритъ про себя: «Придите ко Мнѣ. труждающіеся и обремененные. и Я успокою Васъ».

Двадцать милліоновъ активно вѣрующихъ православныхъ насчитываютъ православные круги въ Россіи. по словамъ

одного иностранца. друга нашей Церкви. бывшаго тамъ лѣтомъ 1927 года. «А три-четыре года тому назадъ мы насчитывали лишь шесть милліоновъ», — говорили ему тамъ). И еще: «намъ тяжеле теперь, чѣмъ три-четыре года тому назадъ, но мы не слабѣе». Церковь обнажена тамъ до основанія, — говорить тотъ же иностранецъ: — лишенная всѣхъ внѣшнихъ даныхъ, лишенная самой элементарной свободы, лишенная даже внѣшняго общенія между своими членами... «И увидѣлъ міръ, что основаніе ея — на скалѣ». «Дѣло Церкви въ надежныхъ рукахъ», — писалъ недавно одинъ священникъ съ юга Россіи (въ началѣ 1927 г.):—«весь народъ церковный бережно охраняетъ Церковь, какъ величайшую святыню свою. Смуты церковныя касаются лишь поверхности».

Правда, епископовъ отрываютъ отъ паствы и посылаютъ; но, какъ мы знаемъ изъ другого письма, на границѣ вѣчныхъ льдовъ (на 3° сѣвернѣе полярнаго круга!) сосланный епископъ, совершая литургію, имѣетъ передъ умными очами своими всю паству свою, посылаетъ ей благословеніе и молится за нее. И, чтобы и намъ здѣсь, физически отдѣленнымъ отъ Россіи, въ полной мѣрѣ принимать участіе въ этой борьбѣ за душу русскаго народа. — мы должны быть охвачены тѣмъ же *духомъ органическаго, внутренняго единенія съ нашими братьями которые тамъ*.

Потокъ растетъ. Но еще много, много мятущихся, страдающихъ душъ, не могущихъ найти покоя. Ибо вмѣсто души людямъ хотять какъ бы «вставить» гайку; то, что цѣннѣе всего міра, хотять выбросить вонъ. «Нѣтъ души»,—говорятъ большевики). И, дѣйствительно, они систематически опустошаютъ душу. Опустошаютъ душу въ городѣ, опустошаютъ ее и въ деревнѣ. Такое опустошеніе души въ цѣломъ округѣ изображаетъ Леоновъ въ своемъ потрясающемъ «Пѣтушихинскомъ проломѣ» (1922); или, напримѣръ, другой писатель совѣтской Россіи, глубоко привлекающій своею чуткостью, — Яковлевъ, въ «Смерти Николина камня». Объ этомъ опустошеніи души большевицкой системой, большевицкой идеологіей съ горечью гово-

*) Эта большая количественная разница объяснялась церковными кругами не только сильнымъ ростомъ религиозной жизни, но также и лучшей освѣдомленностью теперь, чѣмъ четыре года тому назадъ.

*) Искія данныя по борьбѣ большевиковъ съ самой идеей души собраны, напр., въ книгѣ René Fülöp-Müller „Der Geist und das Gesicht des Bolschewismus“. 1926.

рить еще одинъ писатель совѣтской Россіи С. Клычковъ въ своей идейно, и художественно замѣчательной книгѣ «Чертухинскій Балакирь» (1926): «Не за горами пора, когда чело-вѣкъ въ лѣсу всѣхъ звѣрей передошить, изъ рѣкъ выморить рыбу... Тогда-то желѣзный чортъ, который только ждетъ этого... привертить чело-вѣку на мѣсто души какую-нибудь шестерню съ машины, потому что чортъ въ духовныхъ дѣлахъ — порядочный слесарь...» (стр. 158).

Такое опустошеніе души, добровольно продѣланное, пережилъ Есенинъ; — и не вынесъ. Объ этомъ говорить и многія изъ его послѣднихъ стихотвореній (срв. его жуткаго «Чернаго чело-вѣка» съ его безотрадно-жестокимъ самоанализомъ). Слѣдующія строки свидѣтельствуютъ о его глубокомъ разочарованіи въ окружающемъ:

«Вотъ такъ страна!
Какого-жъ я роина
Оралъ въ стихахъ, что я съ народомъ дружить?
Моя поэзія здѣсь больше не нужна
Да и, пожалуй, сѣмъ я тоже здѣсь не нуженъ».

Повѣсти и очерки изъ совѣтскаго быта рисуютъ намъ такія опустошенныя души и ихъ правдивую психологію. И эти изображенія тѣмъ болѣе убѣдительны, что они большей частью лишены всякой отрицательной тенденціи, ибо сами авторы ихъ не видятъ всего ужаса рисуемаго ими духовнаго состоянія. Законы нравственности отпали, осталась лишь коммунистическая норма поведенія: «что полезно для партіи, то — добро» (слова Ленина). Отсутствие всякаго нравственнаго идеала, всякаго стержня, на основѣ котораго чело-вѣкъ можетъ по крайней мѣрѣ самъ судить себя и *знать, что онъ грѣшенъ*, — отсутствие этого стержня не пугаетъ совѣтскихъ писателей, не изображается ими, какъ нѣчто отрицательное. Для нихъ это — норма: это — должное явленіе. Отсюда огромная показательность ихъ изображеній совѣтской жизни. Особенно много психологическаго матеріала большой цѣнности даютъ въ этомъ смыслѣ рассказы Сейфуллиной.

Дикость, дурная первобытность этихъ людей, управляемыхъ мелкими страстишками, лишенныхъ всякаго сдерживающаго и просвѣтляющаго начала. — представлена здѣсь, такъ сказать, *изнутри*, ибо авторъ чувствуетъ себя близкимъ къ своимъ ге-

роямъ. Особенно показателенъ и типиченъ герои въ разсказѣ Сейфуллиной «Встрѣча», карьеристъ революціоннаго времени. Вообще типы революціоннаго карьериста встрѣчаются на каждомъ шагу въ совѣтской литературѣ (срв., напр., Фильку Великанова въ «Страна родная» Артема Веселаго. 1927). Этому мелкому себялюбю мелкой души совѣтскими писателями противопоставляется «сознательный революціонный паѳосъ». *убивающій въ человѣкѣ все человеческое*, тогда какъ у тѣхъ дикарей встрѣчается по крайней мѣрѣ нѣкоторое добродушіе: — паѳосъ, превращающій человѣка въ бездушную, безжалостную часть огромнаго, стихійно-движущагося потока (срв. «Желтый потокъ» Серафимовича, или талантливые, но отвратительные въ своемъ истерическомъ кривляніи и тенденціозности очерки Бабеля «Конармія»), или вѣришь—въ «гайку», винтики, огромной безнощадной машины, гигантской гильотины, обрушивающейся на цѣлую страну (срв., напр., разсказы Пильняка, или «Города и годы» Федина).

Этотъ «революціонный паѳосъ» увлекаетъ многихъ и является особенно излюбленной темой множества разсказовъ изъ совѣтской литературы. Однако онъ, повидимому, все болѣе отходить на задній планъ передъ страшными, сѣрыми коммунистическими буднями. Ужасно бѣшенство кроваваго звѣря *), по состоянію скота, валяющагося въ грязи, не лучше. Очерки современнаго совѣтскаго быта, особенно быта учащейся молодежи **), даютъ намъ картины полнаго нравственнаго одичанія даже въ мирной обстановкѣ (срв. рядъ разсказовъ Пантелеймона Романова, особенно «Безъ черемухи»: Никандрова «Знакомые и незнакомые»; въ одномъ изъ недавно вышедшихъ разсказовъ имѣется описаніе студенческой вечеринки съ разговорами непередаваемой циничности, которые ведутся между студентами и студентками; срв. «Василій Сучковъ» А. Н. Толстого и многое другое).

А безпризорные? а совѣтская школа? а развратъ среди дѣтей?

*) Съ невыносимымъ реализмомъ рисуется оно намъ въ матеріалахъ, собранныхъ С. Федорченкою, подъ заглавіемъ: «Пароль на войну» (1927). Это не литература, а подлинные записки, имѣющія характеръ живыхъ документовъ. Отвратителенъ, совершенно невыобразимъ тотъ кровавый разгулъ, до котораго можетъ докатиться мародерская душа, лишняя всякихъ основъ жизни.

**) Еще ярче, чѣмъ въ повѣстяхъ — въ изданномъ въ совѣтской Россіи сборникѣ: «Комсомолецкій бытъ», 1927.

Душа тоскуетъ, когда слышишь или читаешь объ этомъ. Становится ясной необходимостью борьбы за народную душу. Тѣмъ болѣе, что даже совѣтская литература не можетъ скрыть отъ насъ тоску этой души *). И эту борьбу — мы видѣли — ведетъ въ Россіи *Православная Церковь*. И эту борьбу можетъ и долженъ вести каждый изъ насъ даже въ разсѣяніи: пока *мистически и педагогически* — участвуя въ организаціи Церкви, молитвою и любовью, воспитывая въ себѣ (прежде всего — въ себѣ), а затѣмъ и въ другихъ *духъ служенія* и борясь духовно съ тѣми же началами тьмы, съ которыми и тамъ борется народная душа. — или, вѣрнѣе, борется въ народной душѣ и за народную душу *сила Божія черезъ Церковь*.

Но всякое педагогическое и мистическое дѣланіе есть дѣланіе огромнаго, необъятнаго значенія: изъ малыхъ сѣмянъ, бросаемыхъ въ борозду, вырастаетъ грядущая жатва, а изъ сѣмянъ вѣры, величиною въ зерно горчичное, вырастаетъ мощное древо. «Сіе буди, буди!»

Это не отрицаніе внѣшняго дѣла и борьбы. Сила любви *не можетъ не выразиться въ дѣлѣ*. И здѣсь снимаются рамки: внѣшнее становится внутреннимъ, ибо осмысливается и согрѣвается изнутри. Внутреннее, духовное — творить и преображаетъ всю жизнь. «Сіе есть побѣда, побѣдившая міръ. — вѣра наша».

Николай Арсеньевъ.

*) Срв., напр., «Встрѣчу» и «Калитъ-кабакъ» Сейфуллиной.

ВЕЛИКІЕ СТРОИТЕЛИ РОССИИ.

2. Московскіе князья-собиратели.

Вѣтчайшій русскій историкъ, С. М. Соловьевъ, писалъ въ серединѣ XIX столѣтія: «громадность Русской государственной области можетъ привести нѣкоторыхъ въ заблужденіе, заставить подумать, что Россія — колоссальное государство, въ родѣ древнихъ Ассирійскаго, Персидскаго, Римскаго; но стоитъ только внимательно взглянуть въ явленія начальной Русской исторіи, чтобъ увидѣть, какъ невѣрно подобное мнѣніе». Россія выросла *органически*, а не случайными завоеваніями болѣе слабыхъ сосѣдей. Уже въ эпоху первоначальнаго объединенія восточныхъ славянъ въ своеобразный государственный союзъ, созданный кievскими князьями, Русская Земля тянулась отъ Азовскаго моря и Подкарпатя къ Финскому заливу. *Природа страны и составъ ея населенія*, а не историческія для нея случайности создали громадность территоріи Русской Земли Владиміра Святого и Ярослава Мудраго. Исторія Россіи есть исторія «колонизирующей страны», и это основное положеніе С. М. Соловьева остается въ силѣ, какъ для Русской Земли стараго времени, такъ и для Россіи времени новѣйшаго. Тутъ заложены различія ея исторіи, задачъ ея государственнаго строительства и ея культурнаго дѣла — отъ положенія западно-европейскихъ государствъ, которыя давно получили возможность сосредоточить свои силы на уже колонизованныхъ территоріяхъ. —

Монгольское завоеваніе XIII столѣтія привело къ разрыву постоянныхъ связей русскаго юга и запада съ сѣверо-востокомъ. Постѣ него, потребность болѣе прочнаго объединенія для защиты своей жизни, вызвала собираніе русскихъ земель въ болѣе организованные государственные союзы. Русскіе югъ и западъ, около маленькой Литвы, сложились въ Литовско-

Русское государство, въ которое вошли старѣйшія и культурнѣйшія русскія территоріи Днѣпра и его притоковъ. Эти земли вышли изъ-подъ татарскаго владычества, принявъ верховную власть литовскаго князя, но сохранивъ свою старую внутреннюю русскую жизнь. Земли же по верхней Волгѣ, Окѣ и ихъ притокамъ еще долго изнывали подъ «агарянскимъ» игомъ. Но потомъ началось и ихъ собираніе, и именно онѣ стали тѣмъ ядромъ національнаго государства, около котораго русскій народъ долженъ былъ собраться *весь* въ его дальнѣйшей исторіи. Какъ же образовалось это ядро? Съ какою идеею началось здѣсь собираніе Руси и во что вылилась эта идея съ его усиѣхомъ?

Ко времени нашествія татаръ, въ верхневолжскомъ и приокскомъ краяхъ, на широкомъ просторѣ, раскинулись двѣ русскія земли — Ростово - Суздальская и Муромо - Рязанская. Первая — между Клязьмою и сѣвернымъ загибомъ Волги, вторая — по среднему теченію Оки и въ области ея правыхъ притоковъ, Осетра и Прони. Громадная полоса лѣса отдѣляла Суздальскую Землю отъ Русскаго Юга и дала ей имя Залѣсья. Земля Рязанская, также обильная лѣсами, къ югу переходила въ открытую степь, столь облегчавшую путь кочевникамъ. Рядъ городовъ — одни очень давно, другіе позднѣе — выросъ на территоріи этихъ земель. И изъ всѣхъ нихъ судьбами исторіи выдѣлилась Москва, которая собрала около себя всѣ остальные города, со всѣми тянувшими къ нимъ селами и деревнями. Этого мало. Москва пошла по пути собиранія цѣлой Русской Земли въ единое національное государство русскаго народа.

Археологическія данныя, въ ихъ числѣ арабскіе диргеми середины IX столѣтія, говорятъ, что мѣстность, гдѣ стоитъ городъ Москва, сохранила слѣды очень давней жизни и что она лежала на торговыхъ путяхъ великихъ путешественниковъ первой половины средневѣковья, арабскихъ купцовъ. Но мы не будемъ углубляться въ это слишкомъ далекое время. Для насъ важна Москва какъ возникавшій центръ русскаго національнаго государства.

Подъ 1147 годомъ ее впервые упоминаетъ лѣтописецъ. Тогда она была крупнымъ дворцовымъ селомъ суздальскаго князя Юрія Долгорукаго. Въ нее онъ звалъ одного изъ своихъ южно-

русскихъ союзниковъ словами: «буди, брате, ко мѣ къ Москвѣ»: въ ней былъ устроенъ для него «обѣдъ сильный». Черезъ нѣсколько лѣтъ это село обнесено плотнымъ частоколомъ изъ толстыхъ деревьевъ. Оно стало городомъ, т. е. огороженнымъ, укрѣпленнымъ мѣстомъ, и получило княжескій гарнизонъ. Въ дни русскаго горя, въ татарское нашествіе, Москва сожжена татарами въ 1238 году, послѣ геройскаго сопротивленія, руководимаго воеводою Филиппомъ Пянькою. Жители перебиты, и хищники забрали «много имѣнія». Но уже вскорѣ послѣ разгрома въ Москвѣ былъ свой, хотя и кратковременный, князь. Это — Михаилъ, младшій братъ Александра Невскаго, захватившій и великое княженіе Владимірское, но погибшій въ 1245 году въ бою съ литовцами. Затѣмъ Москва—въ числѣ городовъ, принадлежавшихъ Александру Невскому, который ее отдалъ въ «удѣлъ» своему «мезинному» сыну Данилѣ. Отъ него и пошла уже непрерывная линія московскихъ князей — Юрій и Иванъ Даниловичи, Семень и Иванъ Ивановичи. Димитрій Ивановичъ и его преемники.

Конечно, мы должны забыть наши современные представленія о городѣ, когда хотимъ себѣ представить Москву того времени. Ея центръ — Кремль или «дѣтинецъ», обнесенный бревенчатою, деревянною стѣной. Онъ на любимомъ мѣстѣ старыхъ русскихъ городовъ-крѣпостей, на крутомъ обрывѣ, при слияніи двухъ рѣкъ. — на Боровицкомъ холмѣ, при впаденіи рѣки Неглимной (Неглинной) въ Москву-рѣку. Въ немъ княжой дворъ, изба съ дворовыми постройками и помѣщеніемъ для гарнизона. А за княжимъ дворомъ — длинный рядъ селъ, которыя постепенно вливались въ становившійся великаномъ городъ, въ первой половинѣ XVI столѣтія уже имѣвшій въ окружности болѣе 20 верстъ. Старыя села бояръ и князей, городища и урочища --- Драчевское, Кучково поле, Напрудское, Семциньское (нынѣшняя Пречистенка), Хвостовское, Кудрино, Дорогомилово и другія — все это мало-по-малу слилось въ громадный городъ, который уже въ XVI вѣкѣ заѣзжіе иностранцы считали равнымъ по величинѣ тогдашнему Лондону. Издревле эти мѣста были покрыты боромъ, воспоминаніе о которомъ сохранилось въ цѣломъ рядѣ московскихъ урочищъ. Разбросанныя въ бору села и слободы вбирала въ себя Москва и къ концу XIV столѣтія она раздѣлилась на Кремль, Посадъ, Загородъ и Зарѣчье.

Москва-городъ, съ окрестными селами, и составляла весь «удѣлъ» основателя линіи московскихъ князей. Данилы Александровича. Но онъ, умѣло дѣйствуя въ обстановкѣ своего времени, въ тяжбахъ и столкновеніяхъ своихъ старшихъ братьевъ, подъ верховнымъ владычествомъ грознаго татарскаго хана, зорко высматривалъ возможности «примыслить» къ своей вотчинѣ новые куски земли и старался охранить ее отъ опасной для нея силы и себялюбивыхъ замысловъ великаго Владимірскаго князя, такого же вотчинника въ своемъ «удѣлѣ». Данило отнялъ Коломну у Рязанскаго князя Константина, а «вотчиною свою Переславлемъ» его «благословилъ» передъ своею смертію его племянникъ, князь Иванъ Дмитріевичъ. И, умирая въ 1303 году, Данило уже владѣлъ двумя городами кромѣ Москвы — Коломною и Переяславлемъ. Наслѣдовавшій ему его старшій сынъ Юрій захватилъ городъ смоленскаго князя Можайскъ и сталъ обладателемъ всего теченія Москвы-рѣки, отъ ея верховья до низовья, отъ Можайска до Коломны. Юрій сознавалъ себя настолько сильнымъ, что рѣшился на тяжбу за великое княженіе Владимірское съ тверскимъ княземъ, получившимъ его отъ хана. А эта тяжба потребовала не только упорства и рѣшительности, но и силъ для вооруженной борьбы съ соперникомъ и денегъ для задариванія хана и его приближенныхъ, а также большой хитрости и житейской изворотливости, не спасшихъ его, однако, послѣ его торжества, отъ насильственной смерти отъ руки сына погубленнаго имъ тверскаго князя Михаила Ярославича.

Преемникъ Юрія, Иванъ Калита, продолжалъ дѣло, начатое отцомъ и старшимъ братомъ. Послѣ борьбы съ Тверью, ему удалось прочно утвердиться на великомъ княженіи и получить великую милость хана, съ полномочіемъ собирать «выходъ», татарскую дань, съ Русской Земли для передачи ея въ ханскую казну, съ «тишиной» отъ татаръ для Московскаго удѣла. Въ то время, какъ другіе удѣльные князья-вотчинники, нуждаясь въ деньгахъ, продавали свои села, Калита ихъ покупалъ. 16 селъ во Владимірскомъ, Юрьевскомъ, Костромскомъ и Ростовскомъ уѣздахъ, волость Кистьма, Бѣлоозеро, Угличъ и Галичъ были его «куплями». Своимъ сыновьямъ онъ оставилъ уже цѣлыхъ пять городовъ, 54 волости и 32 дворцовыхъ села. Но значительные, по представленіямъ того времени, размѣры удѣла Калиты были миниатюрны, если приложить къ

нимъ масштабъ Россіи, выросшей изъ Московскаго княжества. Оно въ Калитино время не охватывало даже нынѣшней Московской губерніи, ибо въ него не входили ея уѣзды Клинскій, Волоколамскій и часть Дмитровскаго. Сыновья Калиты, Семень и Иванъ, продолжали дѣлю «примысловъ»: — села въ Переяславскомъ, Юрьевскомъ, Костромскомъ уѣздахъ и въ Галицкомъ княжествѣ, земли на лѣвой сторонѣ Оки и при устьѣ Протвы и нѣкоторыя другія были приобрѣтены ими. Калитина вотчина росла, но росла не быстро, безъ спѣху и прочно собирая земли, такъ же постепенно, какъ городъ Москва естественнымъ своимъ развитіемъ понемногу вливалъ въ себя окрестныя села. Создавался тотъ крѣпкій фундаментъ, на которомъ выстроилось позднѣе величественное зданіе Московскаго Царства, а изъ него, еще позднѣе, поднялась Россія, какъ государство мірового значенія.

Съ какою же идеею рождалось Московское княжество? Оно было *вотчиною, собственностью, наследственнымъ земельнымъ имуществомъ* своего князя. Въ эту вотчину собственникъ ея влагалъ всю *любовь къ своей землѣ*, ту любовь, съ которою теперь *крестьянинъ-землевладелецъ* и болѣе крупный хорошій хозяинъ смотрятъ на свою землю-кормилицу — въ нее вложено столько кровнаго труда и пота, страды и истомы, она по малымъ кускамъ собрана цѣною лишеній и жизненной борьбы. Московскій князь того времени прежде всего *собственникъ, приобрѣтатель*, накаплиющій матеріальное богатство. Оно въ его землѣ, оно и въ собираемыхъ имъ золотыхъ поясахъ, шапкахъ, шубахъ, чашахъ, золотѣ и перлахъ. Стоитъ прочесть духовныя грамоты московскихъ князей, чтобы ясно усвоить это. Князь, какъ «грѣшный, худой рабъ Божій», даетъ «рядъ сыномъ своимъ и княгинѣ своей» и дѣлитъ между ними свои города и села, одинаково какъ и свои «чумы» (большія ложки или малые ковши), блюда, «чеши (цѣши) золоты», «шапку золотую», «коробочку золотую», кожухи, «скарлатное портище сажено зъ бармами» и т. д. И имущество князя еще такъ невелико, если мы посмотримъ на него глазами современнаго намъ не только наследственнаго главы государства, но даже богатаго человѣка... Онъ помнитъ всѣ свои села, всѣ чаши, блюда, пояса, порты. Его вниманіе отдано почти одинаково накопленію какъ земель, такъ и золота, серебра, кожуховъ и шапокъ.

Собрать всего этого побольше, *копить* — вотъ къ чему стремился князь-вотчинникъ, надъ чѣмъ такъ упорно работала его мысль, къ чему направлена его воля. И все это онъ любитъ какъ *свое*, съ великимъ трудомъ и затратою громаднѣхъ силъ пріобрѣтенное. Онъ и похоронится въ собственномъ храмѣ Архангела Михаила въ Москвѣ и не завѣщаетъ погребсти свое тѣло въ великокняжескомъ городѣ Владимірѣ, хотя и быть великимъ княземъ. *Свое* дороже всего, оно его и его семьи, оно *родное*. Передъ нами то самое настроеніе, съ которымъ жили почти *всѣ* создатели старыхъ государствъ Запада и Востока, получившихъ свое начало въ то суровое время.

Чтобы понять князя-вотчинника въ его жизни и дѣятельности, нужно помнить то, что одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ педагоговъ, К. Д. Ушинскій, такъ ярко зарисовалъ съ именемъ «патріархальной нравственности», наблюдая жизнь народныхъ массъ своего времени. *Чужой* — словно въ другомъ мірѣ, и нѣтъ вниманія къ его жизни, нуждамъ, даже страданіямъ. Все чувство — *своимъ*, о нихъ вся забота. И человѣкъ, не признающій ничего недозволеннымъ по отношенію къ чужому, готовъ сдѣлать все на свѣтѣ, чтобы осушить слезу своего отца или доставить довольство и радость своей семьѣ.

Однако, очень рано для вотчинника-князя намѣтилось и то великое начало корректива, которое, развиваясь, должно было исправить и измѣнить его воззрѣніе. Забота о населеніи удѣла-вотчины исходила еще изъ «патріархальной нравственности» князя и интересовъ хозяина: *его* людямъ должно житься хорошо, они — *его* и потому не чужіе. Но это для него и выгодно, потому что даетъ ему хорошихъ слугъ и плательщиковъ и привлекаетъ въ его вотчину переселенцевъ. Та высокая идея Московскаго Царства, которая одухотворила старую вотчинность, которая какъ живая вода влилась въ московскіи удѣлъ и обезпечила ему гигантское развитіе и духовную красоту, дана была лишь *Русскою Церковью*.

Московскій князь былъ набоженъ и преданъ вѣрѣ отцовъ — она была *своя*, предковская, родная. Но не ищите въ немъ высоты и чистоты истиннаго христіанина. Постройка своихъ храмовъ и ихъ украшеніе, схима передъ смертію — еще далеки отъ сущности Христова Ученія. Въ нихъ такъ ясны еще начала себялюбія вотчинника и «патріархальной нравственности». Въ его храмахъ лампада теплится только за него, его

семью и его удѣлъ. А принятіе «иноческаго образа» умиравшими князьями, можетъ быть, въ этомъ отношеніи особенно характерно. Старые назидательные сборники объясняютъ его очень просто: съ принятіемъ новаго, монашескаго имени, грѣхи, совершенные раньше, уже не будутъ отягощать умирающаго при рѣшеніи его судьбы въ загробномъ мірѣ, и ангелъ скажетъ діаволу: «не сего суть челоуѣка грѣси, сему есть имя ино, но не се есть, его же ты глаголеши и ищещи».

Русская Церковь сумѣла привить высокія и болѣе широкія начала къ «патріархальной нравственности» московскаго князя, не разрушая старую основу *своего*, родного для него, но *очищая* и *освящая* ее, открывая ему новыя задачи и *новый смыслъ его власти и собиранія имъ Руси*. Населеніе вотчины — «сироты» князя: Богъ вручилъ ему о нихъ заботу и обязалъ его охранять и дѣлать счастливою ихъ земную жизнь. Въѣсть съ тѣмъ Русская Церковь поставила московскому князю задачу обращенія его дворцоваго города Москвы въ *храмъ Россіи*, а его крѣпости, Кремля, — въ ея *алтарь*. Это было дѣломъ одного изъ величайшихъ русскихъ іерарховъ, св. митрополита Петра. Строгій подвижникъ и истинный пастырь, онъ въ то опасное для путника время нелѣпно «прохожане мѣста же и грады» Русской Земли, «уча и наказуя всѣхъ». Св. Петръ любилъ бывать въ «градѣ» Москвѣ, «еще тогда малу сущу ему и не многонародну», и внушилъ Калитѣ мысль, «да сотворить перковь каменіемъ составленну во имя пречистыя Владычица наша Богородица» — «и градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ Русскихъ, и святители поживутъ въ немъ, и въздуть руки его на плеча врагъ его, и прославится Богъ въ немъ, еще же и мои кости въ немъ положени будутъ». Съ постройкою этого храма, Успенскаго Собора, и началось созиданіе и собираніе въ Москвѣ обще-народной русской святыни, что дѣлало ее центромъ духовной жизни русскаго народа.

Митрополитъ сталъ рядомъ съ княземъ въ Москвѣ на стражѣ Московскаго княжества и собираемой имъ около себя Руси. Митрополитъ «всея Русіи» — совѣтникъ московскаго князя: а въ лицѣ св. Алексѣя въ малолѣтство Дмитрія Донскаго — даже его опекунъ со всею полнотою власти. Русскіе подвижники такой недосягаемой высоты и кристальной чистоты, какъ преп. Сергій Радонежскій, возносятъ за московскаго князя свои молитвы и помогаютъ ему своимъ благословеніемъ

и своимъ дѣланіемъ. Русскіе миссіонеры столь величаваго подвига, какъ святитель Стефанъ Пермскій, обращаютъ язычниковъ, расширяютъ тѣмъ Московскую епархію и насаждаютъ въ самыхъ глухихъ мѣстахъ Московскаго княжества *идею Православной Русской Державы*. Митрополитъ становится постояннымъ посредникомъ въ столкновеніяхъ московскаго князя съ другими князьями, склоняетъ ихъ къ примиренію съ нимъ и къ признанію его первенства. Церковь учила населеніе, что оно должно быть вѣрно своему князю: «аще добръ пріяете князю вашему, и обогатѣтъ земля ваша и плодъ добръ объемлете». Отъѣзжающій отъ своего князя къ другому «подобенъ есть Иудѣ, иже, любимъ Господомъ, умысли продати Его княземъ жидовскимъ». Русская Церковь бережно хранила идею единства русскаго народа. *На основѣ единства «русской вѣры» и выросло русское національное сознаніе* — всѣ тверичи, москвичи, рязанцы, полочане, новгородцы, черниговцы, кіевляне и т. д. сознали себя единымъ русскимъ народомъ, прежде всего потому, что всѣ они исповѣдывали единую «русскую вѣру».

Національно сознающій себя народъ выдѣляетъ себя изъ общей массы народовъ и противопоставляетъ ихъ себѣ. Русь противопоставляла свою «русскую» вѣру вѣрѣ «латиновъ» — «не примаи ученья отъ латынь, ихъ же ученье развращено; и «латынская прелесть» ставила католика въ одинъ рядъ съ «жидовиномъ», «сарациномъ» и «всѣми погаными». Но себя противопоставлялъ русскій народъ и «сыроядцамъ-татарамъ». Власть ихъ надъ нимъ была *чужою*, она подлежала сверженію. И московскій князь сумѣлъ стать во главѣ этого національнаго русскаго дѣла, дѣла народнаго освобожденія. Растущій Московскій удѣлъ уже въ первой половинѣ XIV столѣтія привлекалъ новое населеніе, — въ его составѣ и бояръ съ ихъ «дворами» и слугами-воинами. Сила Москвы ставила ее во главѣ Руси для близившейся борьбы русскаго народа съ проклинаемымъ татарскимъ игомъ, а ея *географическое положеніе* дѣлало ее *военною базой* для этой борьбы. Отдѣленная отъ татаръ землями Нижегородскою, Муромо-Рязанскою и Сѣверскою, Москва могла копить военныя силы, посылать помощь страдающимъ отъ татаръ землямъ и естественно, получала значеніе руководительницы борьбы и главной въ ней силы. Въ 1367 году былъ поставленъ «городъ

Москва Камень». Окруженный каменными стѣнами, московскій Кремль сталъ главною русскою крѣпостью. А борьба съ татарами уже начиналась въ 70-хъ годахъ XIV вѣка. И Куликовская битва 1380 года была оцѣнена старою письменностью какъ кровавый бой «за всю Землю Русскую»: въ немъ «князь великій своею храбростію и дружиною—Мамая поганого побилъ за Землю Русскую и за вѣру крещеную». Пусть это «побойще» еще не освободило Руси отъ «сыроядцевъ» и цѣлыхъ сто лѣтъ, еще ей пришлось ждать сверженія «агарянского» ига, вновь подвергаясь ужасу нашествій хищниковъ. — приближеніе освобожденія сознавалось, и Дмитрій Донской въ старой письменности именуется «царемъ Русскимъ», какъ готовый преемникъ власти хана надъ Русью. Правда, его сыновья, уже вотчинники великаго княженія Владимірскаго, все еще остаются данниками хана, но вѣра въ то, что «перемѣнитъ Богъ Орду» — налицо, и Дмитрій дѣласть въ своей духовной распоряженія на этотъ случай.

Сынъ Донского, Василій I, далеко расширилъ предѣлы своей вотчины. Нижній Новгородъ, Городецъ, Муромъ, Мещера, Таруса, Волокъ Ламскій, Бѣжецкій Верхъ, Ржева, Вологда, Козельскъ и Любутскъ вошли въ ея составъ. Продолжалъ присоединенія и его сынъ Василій II, а сынъ и внукъ послѣдняго, Иванъ III и Василій III, dokonчили собираніе всей тогдашней Русской Земли, еще не соединившейся, или слабо соединившейся съ Литвою. Съ нею изъ-за остальныхъ русскихъ земель должна была возникнуть упорная борьба, начавшаяся уже при Дмитріи Донскомъ. Съ развитіемъ процесса собиранія Руси, московскій князь въ этой борьбѣ основывался на томъ же своемъ вотчинномъ, наследственномъ правѣ, подъ покровомъ котораго и вся Русская Земля слагалась около Москвы въ національное русское государство. Въ старой рукописи «Палея» читаемъ такую приписку къ «Уставу св. князя Володимера, крестившаго Русскую Землю»: «се язъ, князь великій Василей Дмитреевичъ всея Руси, сѣдъ съ своимъ отцемъ съ Фотѣемъ, митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси, управили есмы по старинѣ о судѣхъ церковныхъ, вземше старые Номоканунъ, како управилъ *предѣлъ мой* св. князь великой Володимеръ и сынъ его кн. вел. Ярославъ всея Руси». Это сознаніе *наследственности* власти надъ всею Русскою Землей затѣмъ было отчетливо высказано Иваномъ III и Василіемъ III въ ихъ перегово-

рахъ съ Литвою: «вся Русская Земля отъ прародителей нашихъ наша вотчина». Эта вотчина должна собраться во-едино — наслѣдственный князь-вотчинникъ ставить своею задачею возстановить ее всю.

Изъ простого вотчинника, ходомъ исторіи и работою русской мысли, онъ превращался въ православнаго «царя», преемника Константина Великаго и византійскихъ императоровъ. Уже Флорентійская Унія 1439 года, когда константинопольскіе «царь» и патріархъ «въ прелести латынскихъ ересей внадоша, въ сѣти злата увязнувшие», запечатлѣла въ русской мысли подвигъ московскаго князя Василія II который не допустилъ «совратити люди Божіа съ истиннаго пути святаго вѣры». Онъ одинъ, когда въ смущеніи растерялись русскіе епископы, мужественно отвергъ постановленія «суемысленаго собора», приказалъ привезшаго въ Москву унію митрополита Исидора «съ митрополскаго престола соврещи», какъ «безумна прелестника». И Церковь была «беззавѣтною и безмятежною» сохранена «обличеніемъ Богомъ вразумляемаго великаго державнаго Василія Василіевича, въ благочестіи цвѣтущаго царя всея Русіи, емуже о семь откры Господь Богъ велеумнѣ разумѣвати и вся мудрствовать». Въ 1453 году Константиновъ градъ, Второй Римъ, палъ, и «беззаконный Магметъ сѣде на престолѣ царскомъ». Кто же теперь станетъ «православнымъ царемъ» въ *міровомъ значеніи тража православія*, нуждающагося въ защитѣ отъ «волкохитныхъ» враговъ, съ мечомъ, «бѣсованіемъ гордости», «ересью» и «тмою безвѣрія» вопиствующихъ? Для русской мысли отвѣтъ былъ готовъ: московскій князь, какъ царь православный. Москва встала на мѣсто Константинограда, Новаго Рима — «два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быть».

Такъ «удѣлъ» московскихъ князей-собирателей выросъ въ «Царство Московское — Великую Россію», собравъ и продолжая собирать около Москвы Русскую Землю и засвѣтившись яркою идеею, такою живою и величественною, въ тогдашнемъ органически стройномъ, словно литомъ, міросозерцаніи.

СУДЬБЫ РУССКАГО ХОЗЯИНА.

Всѣхъ людей, по тому, какъ они относятся къ собственности, можно раздѣлить на 5 группъ: 4 активныхъ и одну пассивную.

Первая группа — *хозяева* въ душѣ, работающіе, бережливые, дѣловитые. Они — организаторы труда, созидатели цѣнностей, накопители міровыхъ богатствъ.

Вторая группа — *святые*, безкорыстные, неприхотливые, незыскательные. Для нихъ житейскія блага не имѣютъ никакого значенія.

Третья группа — *завистники*, люди озлобленные и безплодные, типъ, дальнѣйшаго поясненія не требующій.

Четвертая группа — безхозяйственные люди, безалаберные, лишены дѣловаго чутья и пониманія, бездарные, безтолковые, лѣнныя, расточительные. Сюда же нужно отнести фантазеровъ, далекихъ отъ жизни теоретиковъ и наивныхъ мечтателей. Назовемъ эту группу, условно, *неудачниками*.

Означенные 4 основные типа въ чистомъ видѣ рѣдко встрѣчаются, и обыкновенно въ жизни приходится имѣть дѣло съ людьми сложной психики, являющейся смѣшеніемъ этихъ типовъ въ разныхъ сочетаніяхъ и въ разныхъ пропорціяхъ. Возьмемъ, для примѣра, социалистическое настроеніе. Оно получается изъ соединенія *зависти* и *безхозяйственности*; преобладаніе первой дастъ социаль-демократовъ, преобладаніе второй — социалистовъ-революціонеровъ.

Очень рѣдко, но очень цѣнно, сліяніе *святого* и *хозяина* въ одномъ лицѣ. Образцомъ такого сочетанія являются первые игумены старыхъ сѣверно-русскихъ монастырей.

Пятая группа — это *пассивное большинство*, не имѣющее ни опредѣленныхъ мнѣній, ни опредѣленныхъ убѣжденій, совершенно неустойчивое въ своихъ настроеніяхъ. Эта безформенная масса способна примкнуть къ любой изъ вышеупомянутыхъ активныхъ группъ. — сегодня къ одной, завтра къ другой.

Въ Америкѣ сейчасъ господствуетъ идея «хозяина»; въ Россіи — идея «завистника и неудачника». Отчасти это вызвано тѣмъ, что русскій безхозяйственный человѣкъ чрезвычайно самодоволенъ и самовлюбленъ, поэтому часто напористъ въ жизни и энергиченъ въ спорѣ. Талантъ у насъ въ Россіи скромнѣе, чѣмъ бездарность. У европейцевъ—скорѣе наоборотъ. Западный завистникъ тоже менѣе самоувѣренъ, агрессивенъ и нахралистъ, чѣмъ русскій. Кто, напримѣръ, не знаетъ у насъ одну изъ его разновидностей—«обличителя», вѣчнаго искателя чужихъ ошибокъ и проступковъ, вздорнаго, мелочнаго, придирчиваго, пристрастнаго и всегда безтолковаго. Заграницей этотъ типъ менѣе извѣстенъ. Зато у насъ, какъ бы въ противѣсъ ему, еще сохранилось пониманіе хозяйственной святости и память о ней. Все это, такъ же, какъ и представленіе о хозяйственномъ грѣхѣ, почти пропало на Западѣ.

Значеніе такихъ воспоминаній очень важно; мы увидимъ это изъ дальнѣйшаго, а пока перейдемъ къ сравненію русскаго типа хозяина съ современнымъ западнымъ. Послѣдній сталъ возникать въ Европѣ послѣ реформаціи, сильно измѣнившей всю психику западныхъ людей.

Извѣстный нѣмецкій соціологъ Максъ Веберъ однимъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на ту связь, которая существуетъ между духомъ западнаго *капитализма* и *протестантизмомъ*. Онъ указываетъ на слѣдующее. Протестанты, а особенно кальвинисты и пуритане, отличались большой строгостью жизни. Свѣтскія удовольствія презирались, роскошь изгонялась. Этотъ мірской аскетизмъ выражался хозяйственно въ бережливости, доходящей до скарденности, въ неприхотливости и въ трудолюбіи. Одновременно наблюдалась необычайная преданность тому дѣлу, которымъ человѣкъ занимался. Религіозная подкладка такой добросовѣстности заключалась въ *покорности Воли Божіей*, указывающей каждому тотъ жизненный путь, по которому онъ долженъ идти. Вѣра въ предопредѣленіе у очень многихъ соединялась съ увѣренностью въ принадлежности къ числу избранныхъ и съ вынесеннымъ изъ односторонняго чтенія Библіи убѣжденіемъ, что *матеріальное благополучіе есть признакъ праведности и угоднои Богу*. Въ результатъ создавалось настроеніе, которое постепенно превратилось въ неудержимое стремленіе къ наживѣ, въ желаніе неслѣдственно разбогатѣть. Достиженіе этой цѣли облегчалось все увеличивав-

шимся размахомъ экономической жизни. И здѣсь протестантизмъ сыгралъ большую роль, устранивъ главное препятствіе на пути развитія важнѣйшаго фактора современнаго хозяйственнаго строя — кредита.

Дѣло въ томъ, что средневѣковая католическая церковь считала большимъ грѣхомъ и запрещала давать деньги въ ростъ. Правило это постоянно нарушалось, но организація кредита все-таки тормозилась. Кальвинъ и многіе другіе протестантскіе богословы стали на другую точку зрѣнія и открыто *разрѣшили брать проценты*. Снятіе клейма неблаговидности съ банковской дѣятельности повело къ значительному ея расширенію, и вопросъ о кредитѣ сталъ на твердую и законную почву въ протестантскихъ государствахъ. Оттуда духъ капитализма (въ связи съ отходомъ Римской церкви отъ ея прежней непримиримости по отношенію къ процентамъ) распространился по всему Западу, но съ теченіемъ времени сталъ сильно мѣняться. Еще въ XVII, а въ Америкѣ даже въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX столѣтія западный «хозяинъ» чувствовалъ себя не абсолютнымъ распорядителемъ своего богатства, а *Божіимъ управителемъ*. Очень мало отъ всего этого осталось въ половинѣ XIX вѣка: оболочка еще кое-гдѣ сохранилась, но сердцевина истлѣла. Аскетизмъ замѣнился жаждой наслажденій; чувство отвѣтственности передъ Богомъ пропало; зато еще возросло преклоненіе передъ богатствомъ, и въ такомъ видѣ, рука-объ-руку съ матеріализмомъ, духъ капитализма проникъ въ Россію. Тамъ онъ встрѣтилъ не пустое мѣсто, а историческій, вѣками складывавшійся *типъ «русскаго хозяина»*.

Хозяинъ-православный во многомъ отличается отъ кальвиниста. Мірской аскетизмъ есть и у насъ, но онъ не постоянный, а періодическій, связанный съ *постами*. Отношеніе къ богатству тоже другое. Оно не считается грѣховнымъ, но на бѣдность не смотрятъ какъ на доказательство неугодности Богу. Поэтому, въ Россіи нѣтъ того сухого, презрительнаго отношенія къ бѣднякамъ, которое появилось на Западѣ послѣ реформации. Протестанты, конечно, предписываютъ благотворительность, но организовавъ ее очень хорошо формально, они вынули изъ нея душу, осудивъ *личную милостыню*, столь дорогую и близкую русскому человѣку.

Что же касается до сознанія своего положенія, лишь какъ *Божьяго довереннаго по управленію собственностью*, то оно

было ввѣдрено въ православнаго еще прочиѣе. чѣмъ въ пуританина.

По отношенію къ большому вопросу о процентахъ Восточная Церковь держалась слѣдующей практики: осуждая ихъ принципиально, она фактически боролась лишь съ ростовщичествомъ, не налагая огульных каръ на всѣхъ взимателей процентовъ и не прибѣгая къ помощи мірской власти, какъ Католическая Церковь.

Условія русской экономики особенно требовали такого отношенія, ибо *вся колонизація Сѣвера шла на кредитъ*. Въ связи съ этимъ банкирскій классъ Сѣверной Руси. Новгородское боярство, пользовался почетомъ и большимъ политическимъ вліяніемъ; и Церковь отнюдь не причисляла его къ числу отверженныхъ.

Однако, повидимому, въ народной душѣ остался какой-то осадокъ противъ торговли деньгами. Еще на моей памяти, въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ московскомъ купеческомъ кругу держалась своеобразная расцѣпка различныхъ видовъ хозяйственной дѣятельности. Болѣе всего уважалось занятіе промышленностью: фабриканты и заводчики стояли на первомъ мѣстѣ; за ними шли купцы; а къ лицамъ, занимавшимся коммерческимъ учетомъ, даже безъ всякаго оттѣнка ростовщичества, и изъ самыхъ дешевыхъ % %, — отношеніе было неискреннее: въ глаза уважали, а за глаза пренебрежительно говорили «процентчики».

Можетъ быть, здѣсь и нужно искать объясненія, почему у насъ въ 19-омъ вѣкѣ совсѣмъ не существовало старыхъ и крупныхъ, чисто-русскихъ банкирскихъ домовъ, а такихъ же промышленныхъ и торговыхъ фирмъ было очень много.

Возвращаясь къ старинѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что смягчающее вліяніе Православія на характеръ дѣловыхъ отношеній хотя и было большимъ въ тѣ времена, но осуществлялось оно не легко, а лишь путемъ упорной борьбы съ человѣческими слабостями. Сложна и полна противорѣчій природа русскаго чело-вѣка, и «хозяинъ» не составляетъ въ этомъ исключенія. Классическій его типъ до сихъ поръ сохраняется въ лицѣ *хозяйственнаго великорусскаго мужика*. Кто знаетъ этого упорнаго стяжателя, прижимистаго, твердаго, настойчиваго въ трудѣ, смекалистаго, ловкаго, часто очень одареннаго, но одновременно обуяннаго большой духовной гордостью, тотъ пой-

метъ, что не всегда ему легко склонять свою умную, но упрямую и обуреваемую соблазнами голову передъ заповѣдями Христа.

Таковыми были и наши предки.

Несмотря на постоянные нелады, ссоры и взаимное недоброжелательство между верхами и низами стараго русскаго торгово-промышленнаго класса, чувствовалось все-таки что-то общее во всѣхъ, отъ именитыхъ людей Строгановыхъ и до мелкихъ торгашей.

Оттѣсненіе, послѣ Петра Великаго, занятія торгово-промышленной дѣятельностью на низшую ступень соціальной лѣстницы въ Имперіи — было ошибкой съ государственной точки зрѣнія; но за то оно сохранило чистоту и единство типа.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока приходъ капитализма и вторженіе новыхъ, социалистическихъ идей не поставили русскихъ людей передъ лицомъ измѣнившихся отношеній и новыхъ фактовъ.

Завистники получили наконецъ то, чего они такъ долго добивались и отъ чего Церковь ихъ удерживала, а именно: *теоретическое обоснованіе права на зависть*, ея оправданіе.

Безхозяйственность, вмѣсто разбойничьихъ атамановъ и самозванцевъ, нашла новыхъ вождей въ лицѣ социалистическихъ пророковъ и слилась съ завистью.

Идея святости и идея хозяина, такія различныя по задачію и по осуществленію, обѣ стали подвергаться яростнымъ нападкамъ.

Началась борьба за массу безразличныхъ. Положеніе «хозяевъ» сразу стало очень тяжелымъ, такъ какъ большая часть «безразличной» интеллигенціи *быстро примкнула къ союзу завистниковъ и неудачниковъ*. Къ этому присоединился еще расколъ въ группѣ хозяевъ, и народная стихія, сначала медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе стала уходить изъ-подъ вліянія ихъ идеологіи. Смыслъ раскола заключался въ томъ, что верхи хозяйскаго класса *духовно оторвались* отъ его низовъ, и, переставъ ими идейно руководить, отдали хозяйчиковъ во власть чуждымъ и враждебнымъ вліяніямъ.

Но если во всякой соціальной группѣ верхушка является мѣстомъ, гдѣ идеология класса разрабатывается и оформляется, то низы остаются хранителями преданій и духа: разрывъ ду-

ховной связи съ ними лишаетъ верхи притока жизненныхъ соковъ и обрекаетъ ихъ на *увяданіе*. Картину такого увяданія даетъ исторія почти каждаго Московскаго большого купческаго рода. Обыкновенно она протекала такъ.

Основатель фирмы, выйдя изъ народной толпы, сохранялъ до самой смерти тотъ укладъ жизни, въ которомъ онъ выросъ, несмотря на то, что онъ уже являлся обладателемъ значительнаго состоянія. Конечно, въ его быту все было лучше и обильнѣе, чѣмъ раньше, но, въ сущности, то же самое. Хозяинъ не чувствовалъ себя ни въ бытовомъ отношеніи, ни духовно *инымъ*, чѣмъ рабочіе его фабрики. Но очень гордился тѣмъ, что вокругъ него «кормится много народа». Въ такомъ пониманіи своего положенія бывший крѣпостной, а теперь первостатейный купецъ, совершенно не расходился со средой, изъ которой вышелъ. Всѣ окружающіе, бѣдные и богатые, окрестные мужики и его же фабричные, уважали старика именно за то, что онъ фабрикантъ, дающій заработокъ сотнямъ и тысячамъ рабочихъ. Вотъ почему ему и въ голову не приходило считать себя за свое богатство въ чемъ-то виноватымъ *передъ людьми*. Другое дѣло Богъ: *передъ Нимъ* было *сознаніе вины* въ томъ, что изъ посланныхъ средствъ недостаточно удѣляется бѣднымъ.

Два обстоятельства являются характерными для старыхъ русскихъ купеческихъ фамилій. Во-первыхъ. — ихъ *крестьянское происхожденіе*, во-вторыхъ, — *глубокая религіозность* ихъ основателей. Дѣйствительно, если итъ купеческихъ родовъ изъ духовнаго званія, мѣщанъ, чиновниковъ, дворянъ, однодворцевъ, а всѣ именитые купцы у насъ изъ мужиковъ, то, равнымъ образомъ, всѣ данныя свидѣлствуютъ о томъ, что родоначальники принадлежали какъ разъ къ тѣмъ деревенскимъ семьямъ, которыя отличались *особенной ревностью къ вѣрѣ*; не мало среди нихъ и старообрядцевъ.

Такое настроеніе сохранялось и во второмъ поколѣніи. Сыны основателя дѣла, обыкновенно, во многомъ походили на отца, часто превосходя его, однако, талантивною, размахомъ и умомъ; онъ-то и выводилъ фирму на широкую дорогу, дѣлая ее извѣстной на всю Россію. При немъ жизненный обиходъ становился, конечно, инымъ; простота исчезала и заводилась роскошь, но зато очень развивалась *благотворительная дѣятельность*: строились церкви, школы, клиники, богадѣльни;

тратились деньги и на поддержку славянофильских изданій. Одновременно сохранялась во всей полнотѣ *профессиональная гордость*; и сынъ былъ такимъ же сознательнымъ и властнымъ хозяиномъ, какъ отецъ; но старой близости съ народомъ и съ мелкимъ хозяйчикомъ уже не было: начинало сказываться различіе въ образѣ жизни и, что еще существеннѣе, въ психологій. Двѣ причины способствовали измѣненію послѣдней.

Съ одной стороны смерть старика-отца совпадала съ тѣмъ моментомъ, когда духъ капитализма начиналъ прочно утверждаться въ Россіи; можетъ быть, этотъ духъ увеличивалъ дѣловую дисциплину и порядокъ, но зато подсушивалъ отношенія, изгоняя патріархальность изъ амбаровъ и фабрикъ. Верхи видѣли преимущества новаго духа для дѣла; низы жалѣли о старой простотѣ.

Съ другой стороны, увеличивавшееся значеніе въ государствѣ крупной промышленности и торговли стало *приближать большихъ хозяевъ къ правящему классу дворянъ и чиновниковъ*, а маленькіе хозяева даже у себя на мѣстахъ попрежнему испытывали самое пренебрежительное къ себѣ отношеніе со стороны не только *представителей власти*, но и *интеллигенціи*, которая начинала играть большую роль въ Россіи.

Такое нарушеніе единства въ хозяйской средѣ, какъ уже было сказано, постепенно привело къ полному расхожденію верховъ и низовъ. Этотъ гибельный не только для *идеи*, но въ послѣдствіи и для *самаго существованія собственности въ Россіи*, разрывъ завершился при внуку основателя рода.

Съ него и съ его сверстниковъ началось *духовное оскуднѣніе хозяйской аристократіи*.

Люди двухъ предшествовавшихъ поколѣній учились на мѣдные гроши, но много читали и думали, особенно сынъ. Внукъ кончасть университетъ, говорить на трехъ иностранныхъ языкахъ, изъѣздить весь міръ, уменъ и талантливъ, но душа у него раздвоена. Старый идеаль «благочестиваго богача» — кажется ему наивнымъ; быть богачомъ неблагочестивымъ, сухимъ, жесткимъ, какъ учить Западъ, — душа не принимаетъ; остановиться всецѣло на мірской «святости» гуманизма и социализма — мѣшаетъ знаніе жизни; а все-таки начинается казаться, что другого выхода нѣтъ. Въ результатѣ — горькое разочарованіе, ибо унаслѣдованный отъ предковъ без-

попадным и острый мужичій умъ, несмотря на весь гипнозъ окружающей интеллигентской среды, не можетъ не видѣть того, что въ свѣтской «святости» социализма — мудрости змія совсѣмъ нѣтъ, а отъ голубиной кротости остались одни жалкія отребья.

Печалень бывалъ иногда конецъ *кающагося купца*.

Сынъ его, правнукъ родоначальника, за отцомъ не идетъ и проникается всецѣло трезвымъ міросозерцаніемъ западнаго капиталиста конца XIX вѣка. Разсуждаетъ онъ такъ: «Я реалистъ, а не мечтатель, какъ бѣдный отецъ; да, чего грѣха таить, и покойный дѣдъ былъ со странностями. Штрафами, неумолимымъ увольненіемъ неспособныхъ рабочихъ—онъ добился того, что нашъ товаръ сталъ почти безпорочнымъ, выше всѣхъ по качеству. Это было очень разумно, совсѣмъ по-европейски, а онъ, чудакъ, часами у себя въ моленной поклоны билъ, каялся, плакалъ, у Бога прощенія за свою строгость просилъ; деньги нищимъ (тѣмъ же прогнаннымъ льяницамъ) раздавалъ; ясли, санаторіи для рабочихъ строилъ. Непонятно! Чего тамъ заниматься метафизикой: *почему* я богатъ, *для чего* я богатъ? Богатъ, и дѣло съ концомъ; мое счастье. Теперь нужно только наиболѣе рационально использовать деньги всецѣло и исключительно *для себя*. Конечно, есть недовольные, бѣдные, социалисты, анархисты; но буржуазный строй проченъ; мнѣ самому и защищаться не нужно, на то есть полиція и войска...»

Трезвый умъ обманулъ реалиста: пришли большевики, и его «счастье» превратилось въ мнѣе; это часто бывасть съ трезвыми умами.

Нельзя сказать, чтобы въ началѣ XX-го столѣтія верхи хозяйскаго класса состояли только изъ *циниковъ* и *кающихся купцовъ*; какъ разъ въ послѣдніе годы стали выступать и заставили себя выслушивать люди, почерпнувшіе въ идеалахъ дѣдовъ—*въру въ идею «хозяина»*; но эти люди опоздали... или пришли слишкомъ рано: удержать лавину они, конечно, не смогли — и старый русскій купецъ хозяйственно погибъ въ революціи такъ же, какъ погибъ въ ней и старый русскій баринъ.

Что же касается до хозяйчика, то онъ еще задолго до воцаренія коммунизма, оплеванный и часто оклеветанный, былъ лишень всякаго общественнаго сочувствія. Всѣми фибрами своей души этотъ трудолюбъ чувствовалъ свою *полезность*, а

ему твердили, что онъ — «паразитъ». Немудрено, что во время большевицкаго переворота и непосредственно послѣ него такъ называемый кулакъ соблазнился и лукавилъ.

Разореніемъ, трупами, неслыханнымъ униженіемъ, голодомъ и холодомъ, заплатилъ хозяйственный мужикъ за *временную измѣну идель хозяина*; но, все-таки, *выжилъ* . . .

Послѣ Нэпа, какъ извѣстно, въ Россіи стала возникать новая буржуазія. Она имѣетъ двоякій характеръ. Городской нэпманъ, очень пестрый по своему племенному и классовому происхожденію: еврей, русскій, бывший приказчикъ, бывший баринъ, купецъ, чиновникъ, педагогъ, биржевой дѣлецъ, инженеръ, мелкій лавочникъ, адвокатъ — наживаетъ, главнымъ образомъ, *рвачествомъ*, обходомъ большевицкихъ законовъ, умѣніемъ давать взятки, *пронырствомъ*. Въ сравненіи съ коммунистами и эти люди, конечно, очень цѣнны, но объективно—ихъ общественная польза, какъ класса, не велика, и выделяемая ими группа такъ называемыхъ *скоробогачей* (нуворишей) не имѣетъ дѣловой и соціальной устойчивости. Практика Западной Европы показала, что большинство изъ нихъ при возвращеніи нормальныхъ дѣловыхъ условій разоряется. Вотъ почему можно думать, что изъ городскихъ нэпмановъ лишь немногіе уцѣлѣютъ послѣ большевиковъ.

Другой типъ буржуазіи возникаетъ въ деревнѣ. Источники ея обогащенія — здоровая, творческая, дѣйствительно полезная хозяйственная дѣятельность. Эта группа очень однородна по составу: ее пополняетъ, главнымъ образомъ, *крестьянство; за ней будущее*. Изъ того же корня, изъ котораго въ свое время выросъ верхній слой стараго русскаго торгово-промышленнаго класса, вырастаетъ и новое настоящее русское купечество.

На двухъ фронтахъ бьется оно противъ коммунистовъ: на *дѣловомъ* и на *церковномъ*, ибо и сейчасъ, какъ и встарь, хозяйственный мужикъ — ревнитель благочестія. На религиозномъ фронтѣ побѣда уже обезпечена, хотя частичныя пораженія еще будутъ. На экономическомъ фронтѣ борьба, вѣроятно, затянется, но ея исходъ тоже предрѣшенъ: хозяинъ тѣснить и доконаетъ коммуниста.

Намѣчается еще одно, чрезвычайно большое достиженіе: въ Россіи возрождается не только инстинктивная хозяйская сознательность, но въ умахъ, несомнѣнно, созрѣваетъ и основательная «*теорія хозяина*» и «*оправданіе собственности*». Про-

исходить это при содѣйствіи большевиковъ. Любители словопреній, они, въ сущности говоря, превратили всю Россію въ громадный экономическій семинарій, въ практическія занятія, посвященныя доказательству правильности идей Маркса и Ленина. Не вина совѣтскихъ властей, что работа этого семинарія, несмотря на всѣ ухищренія руководителей, послужила противъ нихъ, воочію доказавъ несостоятельность социализма и коммунизма, значеніе частной собственности и пользу хозяйства.

Особенно поразительнымъ оказался полный провалъ принципа *планомѣрности*. Кризисы не только не пропали, но еще усугубились. Выяснилось, къ великому удивленію коммунистическихъ теоретиковъ, что «анархическій» хозяйскій режимъ въ смыслѣ предвидѣнія событій, парирования неожиданностей, смягченія экономическихъ толчковъ, былъ куда болѣе совершеннымъ, чѣмъ пресловутая социалистическая планомѣрность. Въ частности оказалось, что размѣры потребления при старой формѣ единоличнаго хозяйствованія регулировались гораздо лучше, въ большемъ соотвѣтствіи съ дѣйствительными возможностями и въ то же время много эластичнѣе и гибче, чѣмъ при большевикахъ.

Экономическое просвѣщеніе русскаго народа — единственное, чего достигли большевики, вопреки ихъ собственнымъ намѣреніямъ: и это просвѣщеніе можетъ оказаться много болѣе значительнымъ, чѣмъ мы думаемъ.

Судя по тому, что западная, а особенно англо-саксонская интеллигенція сейчасъ вступаетъ въ полосу переживаній, напоминающихъ наши шестидесятые годы, есть основаніе опасаться, что русскія событія современемъ повторятся въ Англіи и въ Америкѣ. Появленіе тамъ богатыхъ купчиковъ, барчуковъ и барынь, балующихся социализмомъ, въ родѣ сына Балдуина и дочери маркиза Керзона, признакъ очень плохой.

Если когда-нибудь коммунистическій шквалъ налетитъ на Великобританію и Соединенные Штаты, то, можетъ быть, потрясется весь міръ, но и тогда не заколеблется освобожденная отъ большевиковъ Россія. Дорогую цѣну платимъ мы за провѣрку экономическихъ аксіомъ, но усваиваемъ ихъ теперь твердо: выстраданную идею собственности русскій народъ никогда больше не отдастъ.

О РУССКОМЪ ФАШИЗМЪ.

Въ мірѣ разверзлась бездна безбожія, безчестія и свирѣпой жадности. Современное человѣчество отзывается на это возрожденіемъ рыцарственнаго начала.

Могло ли быть иначе? Въ какую низину запутанности и рабства оно должно было скатиться для того, чтобы не вступить на этотъ путь? Въ какую религіозную и нравственную фальшь оно должно было выродить духъ христіанскаго ученія для того, чтобы отозваться на восстаніе дьявольскаго начала — не твердымъ намѣреніемъ «заградить уста невѣжеству безумныхъ людей» (І Петра гл. I, стихъ 15), а умиленнымъ непротивленіемъ? И развѣ мы не захлебнулись бы тогда отъ презрѣнія къ самимъ себѣ и къ человѣческому естеству въ насъ?

Можно представить себѣ, что къ этому возрожденію рыцарственнаго начала люди будутъ относиться двояко: съ сочувствіемъ и съ осужденіемъ. Но надо признать, что принципиальное осужденіе его, какими бы словами оно ни прикрывалось, — обличаетъ позицію осуждающаго: ибо тотъ, кто противъ рыцарственной борьбы съ дьяволомъ, тотъ за дьявола. Онъ, можетъ быть, самъ не понялъ еще, что именно онъ дѣлаетъ и изъ какихъ душевныхъ источниковъ родится его осужденіе. Но вѣдь зараза большевизма дѣйствуетъ не только соблазняяще и увлекающе, а еще разслабляюще и обезсиливаетъ, и тотъ, кто извлекаетъ изъ своей души навстрѣчу этой стихіи фальшивыя слова фальшиваго умиленія, тотъ уже находится въ орбитѣ ея вліянія и власти... —

Это не означаетъ, конечно, что въ этомъ рыцарственномъ движеніи невозможны ошибки; что въ немъ не могутъ зарождаться опасныя оттѣнки и уклоны, что оно свободно отъ всякихъ заблужденій и, не подлежитъ критикѣ. Напротивъ:

мы должны все время бодрствовать, провѣрять себя и очищаться. Намъ безусловно необходима зоркая и честная самокритика; но не обезсиливающая, а ободряющая; не разрушительное глоданіе, а творческая ревизія. Мы должны учиться и чиститься на ходу. Мы должны, не прерывая нашего служенія и не прекращая нашей борьбы, осмысливать нашу природу, формулировать наши принципы, закрѣплять наши грани и неустанно ковать и совершенствовать нашу организацію. Впереди у насъ труднѣйшія и отвѣтственнѣйшія задачи; а слово наше не можетъ, не должно и не смѣетъ расходиться съ дѣломъ.

Тотъ не съ нами, кто обижается на слова честной и творческой критики. Передъ лицомъ Россіи и ея трагедіи мы повинны другъ другу правдою, возраженіемъ, а если пужно, то и критикой. Мы уже достаточно цѣнимъ другъ друга и достаточно вѣримъ другъ другу для того, чтобы не только утвердить за собою это право, но и для того, чтобы превратить его во взаимную повинность.

Именно таковъ духовный смыслъ тѣхъ сомнѣній и опасеній, которыя я имѣю здѣсь высказать по вопросу о русскомъ фашизмѣ —

За послѣдніе десять лѣтъ рыцарственное движеніе, которое во всемъ его міровомъ объемѣ слѣдуетъ обозначить, какъ бѣлое движеніе, завязывается, крѣпнеть и развертывается въ самыхъ различныхъ странахъ и подъ различными наименованіями. Впервые оно началось у насъ въ Россіи (въ концѣ 1917 года), гдѣ оно по необходимости сразу получило военную организацію и вылилось въ форму междуусобной войны. Вслѣдъ затѣмъ оно зародилось въ Германіи, въ Венгріи и въ 1919 году — въ Италіи; здѣсь оно послѣ трехлѣтней организаціонной подготовки и нѣсколькихъ героическихъ столкновеній, овладѣло государственнымъ аппаратомъ и создало такъ называемый «фашистскій» режимъ. Этотъ политическій успѣхъ заставилъ нашихъ современниковъ говорить и думать о фашистскомъ «методѣ» (т. е. о вѣрномъ способѣ) борьбы съ большевицкой заразой, и вызвалъ организаціонныя подражанія въ другихъ странахъ (Франція, Англія, Чехословакія). И, какъ это нерѣдко бываетъ въ человѣческой дѣятельности, случилось то, что одна изъ формъ бѣлаго движенія (именно національно-итальянская), имѣвшая на

мѣстѣ серьезныи успѣхъ, заслонила собою другія драгоцѣнныя и необходимыя формы и дала своимъ всему движенію въ цѣломъ.

Я хочу этимъ сказать, что бѣлое движеніе въ цѣломъ—гораздо шире фашизма и по существу своему глубже фашизма. Или, если угодно: бѣлсе движеніе есть родовое понятіе, а фашизмъ есть видовое понятіе; и поэтому мы не должны впадать въ ту распространенную ошибку, при которой человекъ упускаетъ изъ-за частнаго, единичнаго видоизмѣненія — общую, родовую и глубокую сущность. Эта ошибка ведетъ къ тому, что люди утрачиваютъ духовный смыслъ явленія, не видятъ его исторической перспективы, упускаютъ изъ вида другія, новыя, творческія возможности и начинаютъ подражать ослѣпившему ихъ явленію, воспроизводя его, какъ своего рода спасительное средство.

Бѣлое движеніе шире фашизма потому, что оно можетъ возникать и исторически возникало по совершенно другимъ поводамъ и протекало въ совершенно иныхъ формахъ, чѣмъ фашизмъ. Оно глубже фашизма потому, что именно въ фашизмѣ совѣтъ не проявляется или недостаточно дѣйствуетъ глубочайшій, религіозный мотивъ движенія. —

Всюду, гдѣ въ общественной и государственной жизни люди объединяются на началахъ добровольнаго служенія, качественного отбора, безкорыстія, чести, долга, дисциплины и вѣрности и, движимые патріотизмомъ, начинаютъ на этихъ началахъ служить роднѣ — мы имѣемъ основаніе говорить о наличности бѣлаго движенія. Такое движеніе можетъ быть вызвано не только войною или революціею, но и другими опасностями — голодомъ, моромъ или наводненіемъ. Оно можетъ возникнуть и безъ всякой особой «опасности», напр., въ видѣ движенія за національную духовную культуру, за національное воспитаніе, за отмѣну рабства, или за облагороженіе национальной политики. Отсюда уже ясно, что бѣлое движеніе можетъ и не имѣть военнаго характера (какъ было у насъ), и совѣтъ не связано непременно съ захватомъ власти или съ отверженіемъ парламентаризма (какъ было въ Италіи); напротивъ, оно можетъ имѣть чисто штатскую и совершенно законную форму, и можетъ быть цѣликомъ направлено на поддержаніе и укрѣпленіе существующей власти и налич-

ной формы правленія. Такъ, русское бѣлое движеніе возникло слишкомъ поздно и должно было принять гражданскую войну, начатую большевиками; но итальянское бѣлое движеніе сложилось своевременно и могло избавить свою страну отъ гражданской войны. Однако, бѣлыми итальянцами (фашистами) пришлось все же рѣшиться на возстаніе и только благодаря исключительному такту Муссолини и Его Величества Короля это возстаніе не превратилось въ революцію, а стало высочайше узаконеннымъ переворотомъ; напротивъ, бѣлые англичане, во время угольной забастовки 1926 года, не начинали возстанія, но организованно поддерживали наличное парламентское, консервативное правительство.

Изъ этого вытекаетъ, что бѣлое движеніе совсѣмъ не ведетъ непременно ни къ перевороту, ни къ гражданской войнѣ; оно можетъ, напр., сложиться на мирныхъ и законныхъ путяхъ, разлиться по всей странѣ, овладѣть сердцемъ и волею всего, что есть честнаго въ народѣ и положить начало новому національному воспитанію, новой творческой эпохѣ въ жизни страны.

Нѣтъ единой формы бѣлаго движенія, пригодной для всѣхъ временъ и у всѣхъ народовъ. Каждой странѣ нужно свое. Каждая эпоха предписываетъ другія формы. Нидерландское бѣлое движеніе, руководимое Вильгельмомъ Молчаливымъ, имѣло инныя задачи, чѣмъ бѣлое движеніе Минина и Пожарскаго. Бѣлые германцы въ эпоху Фатера Яна и Фихт Старшаго не могли становиться на путь современныхъ фашистовъ. Бѣлые итальянцы нашихъ дней погубили бы Италію, если бы они, занявъ сѣверную половину страны, начали гражданскую войну съ южной половиной. Какъ и вся политическая жизнь, бѣлое движеніе есть творчество, примѣняющееся къ реальнымъ задачамъ и реальнымъ возможностямъ страны и эпохи. И то, что спасительно въ одномъ случаѣ, можетъ оказаться вреднымъ въ другомъ. Здѣсь невозможно и не нужно слѣпое подражаніе: и въ то же время необходимо зоркое и внимательное изученіе тѣхъ условій и тѣхъ пріемовъ, которые создавали и создали удачу въ другія эпохи и у другихъ народовъ.

Еще одно. Если бѣлое движеніе совсѣмъ не есть непременно фашизмъ, то съ другой стороны возможно, что по-

явятся такіе новыя «фашизмы», въ которыхъ не будетъ ни чего бѣлаго. Организоваться и сдѣлать политическій переворотъ совсѣмъ еще не значитъ создать бѣлое движеніе, хотя бы при этомъ слово «фашизмъ» было написано на всѣхъ перекресткахъ. Тѣ перевороты, которыми изобилуетъ исторія императорскаго Рима, бывали обычно своскорыстными за тѣями легіоновъ и полководцевъ; и бѣлаго въ нихъ не было ничего. Таковы же военные перевороты въ современной Греціи; и мало кто согласится признать «бѣлымъ» — движеніе Гайдъ въ Чехословакии. Здѣсь мало сказать, что такіе-то переворотчики тянутъ «направо» и стоятъ «за порядокъ»; Сулла въ Римѣ стоялъ «за порядокъ» и тянулъ «направо», но о бѣлизнѣ его можно говорить только по недоразумѣнію. И именно съ этой точки зрѣнія было бы очень рискованно поставить наряду съ героическимъ и дѣйствительно бѣлымъ адмираломъ Хорти — проблематическія или прямо порочныя фигуры, тамъ и сямъ поднимающіяся надъ уровнемъ въ другихъ странахъ. —

Именно такое пониманіе вскрываетъ первую опасность. съ которой намъ слѣдуетъ постоянно считаться. Эта опасность состоитъ въ томъ, что у насъ можетъ возникнуть не бѣлый «фашизмъ». По внѣшней видимости все будетъ обстоять, какъ «полагается»: «дисциплинированная» организація, «патріотическія» слова, отстаиваніе порядка, тяга направо, волевой активизмъ... А на самомъ дѣлѣ возникнетъ лишь новый расколъ и новая политическая партія, столь же партійная, какъ и другія, но только съ агрессивными замашками, съ намѣреніемъ непременно устроить переворотъ въ свою пользу, съ готовностью начать гражданскую войну противъ другихъ небольшевицкихъ партій и длить ее вплоть до своей партійной побѣды. Повидимому, это будетъ «фашизмъ»; но бѣлаго въ немъ не будетъ ничего. Можетъ быть это будетъ «розовый», «желтый» или «черный» фашизмъ, т. е. партійное дѣло ради партійныхъ цѣлей, прикрытыхъ патріотическою словесностью. А можетъ быть и такъ, что такихъ «фашизмовъ» возникнетъ одновременно нѣсколько: каждая партія послѣ паденія большевиковъ будетъ готовить переворотъ въ свою пользу и вооружаться... пока не начнется общая гражданская война. Тогда (это можно сказать съ увѣренностью) най-

дутся враждебныя Россіи организаціи, которыя начнутъ поддерживать эту гражданскую войну періодическими субсидіями, подогрѣвая и затягивая ее, и превращая Россію въ современный Китай...

Эта опасная перспектива становится особенно вѣроятною, если принять во вниманіе: 1) нашъ русскій равнинный характеръ, всегда склонный къ несогласію, къ раздору, раздѣленію и упрямой неуступчивости; 2) революціонное время, развязавшее въ душахъ честолюбіе, склонность къ авантюризму и ко всевозможнымъ политическимъ «комбинаціямъ» (почти всегда съ негодными средствами); 3) огромные размѣры нашей страны въ обычное время, а нынѣ — нашу зарубежную разбросанность по всему міру, которая дѣлаетъ организаціонно невозможнымъ единство «фашистскаго» союза и требуетъ (для активной борьбы) множества параллельныхъ возглавленій. Пока большевицкая власть правитъ Россіи — можетъ быть и окажется возможнымъ добиться того, чтобы политическія разногласія были какъ-нибудь отодвинуты на второй планъ. Но надо заранѣе предвидѣть, что русскій «фашизмъ» изъ каждой страны разсѣянія, въ которой онъ складывается и растетъ — вынесетъ свои характерныя уклоны, свою партійную закваску и даже свои «оріентаціонныя» симпатіи, которыя въ дальнѣйшемъ выступятъ на первый планъ съ русскою неуступчивою страстностью, съ послѣдреволюціонною притязательностью и съ настоящею фашистскою агрессивностью.

А между тѣмъ, если что-нибудь можетъ погубить Россію, то это именно новая гражданская война между противобольшевицкими силами. За революцію Россія потеряла очень много, слишкомъ много для того, чтобы потерять еще что-нибудь безнаказанно. И мы, оставаясь за рубежомъ, обязаны постоянно объ этомъ помнить, и все время провѣрять свои замыслы и свои пути въ предвидѣніи ихъ будущихъ неизбежныхъ послѣдствій. —

За послѣдніе годы мнѣ пришлось не разъ быть въ Италіи, видѣть фашизмъ въ реальной жизни, бесѣдовать съ фашистами и съ анти-фашистами, многое понять, провѣрить и продумать. И естественно, что я все время ставилъ передъ собою вопросъ: почему въ Италіи удалось то, что у насъ не удалось?

Помимо чисто стратегическихъ причинъ (второстепенность итальянскаго фронта, его малые размѣры, его горный характеръ, позднее вступленіе въ войну, возможность подвоза амуниці моремъ и т. д.), па которыхъ я не могу останавливаться, были еще политическія и духовныя условія, которыхъ намъ нельзя упускать изъ вида.

Среди нихъ отмѣчаю: отсутствіе сколько-нибудь серьезнаго революціоннаго движенія передъ войною; чувство «побѣды», съ которымъ Италія закончила войну; сравнительно очень небольшіе размѣры страны, облегчающіе всякую политическую организацію; своевременное (превентивное) основаніе бѣлаго движенія со стороны Муссолини; единство движенія и единственность вождя; и многовѣковую культуру правосознанія въ народѣ. Всѣ эти условія несказанно облегчили борьбу итальянскаго фашизма. Но именно отсутствіе всѣхъ этихъ условій несказанно затрудняетъ дѣло русскаго фашизма и затуманиваетъ его перспективы. —

Дѣло въ томъ, что фашизмъ есть спасительный эксцессъ патріотическаго произвола. И въ этомъ сразу заложено — и его обоснованіе, и его опасности.

Когда государству грозитъ гибель, особенно отъ моральнаго и политическаго разложенія массы; и когда наличная государственная власть оказывается безвольною, или бездарною, или съ своей стороны дезорганизованною и деморализованною — то спасеніе состоитъ именно въ томъ, чтобы патріотическое меньшинство въ странѣ, бѣлое по духу и волевое по характеру, сорганизовалось, взяло власть въ свои руки и осуществило бы все то, что необходимо для отрезвленія массы и для спасенія родины. Горе тому народу, который въ критическій моментъ окажется неспособнымъ къ выполненію этого священнаго, почетнаго и въ высшей степени отвѣтственнаго, патріотическаго долга!..

Но этотъ спасительный актъ остается все же актомъ произвола. А судьба всякаго произвола состоитъ именно въ томъ, что онъ однимъ своимъ появленіемъ какъ бы вызываетъ къ новымъ актамъ отвѣтнаго произвола: онъ развязываетъ въ странѣ склонность къ политическимъ посягательствамъ; онъ самъ рискуетъ оказаться первымъ актомъ гражданской войны. И для того, чтобы это не состоялось, не-

обходимо 1) чтобы движеніе было единымъ и единственнымъ въ странѣ; 2) чтобы въ народѣ имѣлось могучее и зрѣлое правосознаніе, съ которымъ движеніе должно быть тѣсно связано; 3) чтобы движеніе, какъ можно скорѣе само ввело себя въ рамки законности и подавило всякія новыя попытки переворота; 4) чтобы оно оправдало свое посягательство реальною государственною продуктивностью — водвореніемъ настоящаго правопорядка, хозяйственными, социальными и культурными реформами.

Въ настоящее время намъ особенно важно учитывать первыя два условія.

Русскій фашизмъ зарождается не внутри страны, а въ эмиграціи. Отсюда его разбросанность по всему міру, его неизбежная множественность, параллелизмъ и пестрота. Отсюда же основная трудность его развитія, ибо фашизмъ куется и крѣпнеть въ непрестанной и напряженной борьбѣ, ведущейся въ самой странѣ изо дня въ день: эмиграція же, представляя изъ себя несомнѣнную силу, — оторвана самымъ зарубежнымъ существованіемъ своимъ отъ точки для приложенія этой силы. Наконецъ, отсюда же оторванность русскаго фашизма отъ русской народнои толщи, съ которою онъ не связанъ, къ которой онъ только еще долженъ прорваться и изъ которой онъ пылѣ не можетъ черпать живыхъ и почвенныхъ силъ для своего пополненія и развертыванія. Однако откуда нибудь онъ долженъ же ихъ все-таки брать... Повидимому онъ можетъ ихъ брать только изъ другихъ, уже имѣющихся въ эмиграціи бѣлыхъ и волевыхъ организацій, т. е. прежде всего и главнымъ образомъ изъ Русскаго Обще-Воинскаго Союза... Но здѣсь возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ опасностей и затрудненій. —

И Обще-Воинскій Союзъ, и фашистскія ячейки суть организаціи бѣлыя, волевая и дѣйствєнные. Въ чемъ же ихъ отличие? Почему русскому патріотически-мыслящему, активно-настроенному и дисциплинированному военному—лучше стать членомъ фашистской ячейки, чѣмъ хранить вѣрность своему всенному кадру? Что новаго даетъ ему званіе фашиста? Право ли на активность? Но принадлежность къ Обще-Воинскому Союзу никогда не погашала этого священнаго права активной борьбы за родину... Напротивъ. Но что же даетъ тогда фа-

шизмъ? Повидимому два дара: политическую программу и новое возглавленіе. Но это означаетъ, что фашизмъ есть политическая партія (или, вѣрнѣе, цѣлый рядъ зачаточныхъ политическихъ партій) и что членъ Обще-Воинскаго Союза долженъ, вступая въ фашистскую ячейку, выйти, согласно Приказу 82, изъ этого союза, ибо членамъ его запрещено вхожденіе въ политическія партіи. Это запрещеніе установлено именно для того, чтобы оградить главную активную силу русской эмиграціи, армію — отъ политическаго распада и разброда, чреватаго въ будущемъ гражданскою войною; чтобы удержать русскій военный кадръ въ томъ глубокомъ лонѣ патріотическаго единенія, куда политическая партійность не проникаетъ, гдѣ нѣтъ мѣста политическимъ претензіямъ, треніямъ и неизбежнымъ интригамъ, гдѣ въ бѣлой идее родины сливаются всѣ оттѣнки политическихъ окрасокъ. Этимъ оберегается и растится то, что нужнѣе всего и важнѣе всего для Россіи: патріотическій духъ и сверхпартійный военный кадръ — залогъ національнаго единства, якорь спасенія отъ гражданской войны.

Правильно ли, необходимо ли извлекать русскихъ патріотовъ изъ этого духа и изъ этого кадра, и ставить ихъ на распутіе политическихъ программъ, политическихъ споровъ и политическихъ дѣленій? Не вѣрнѣе ли, не спасительнѣе ли создавать активныя ячейки въ предѣлахъ самого Обще-Воинскаго Союза? Увлекаетъ ли умы модное слово «фашизмъ» и нетерпѣливое желаніе ввести его у насъ? Но не пора ли намъ перестать предаваться этой торопливой подражательности? Когда мы поймемъ, что вообще нѣтъ спасенія въ заимствованіяхъ,—все равно, заимствуется демократизмъ или фашизмъ? Когда мы поймемъ, что въ частности русское бѣлое движеніе уже идетъ и должно и впредь идти путями самостоятельнаго творчества, и что наша бѣлая организація — это нашъ Обще-Воинскій Союзъ, который надо только тѣснѣе сплочивать и беречь?

Или, быть можетъ, это есть нетерпѣніе — скорѣе перенести изъ внѣполитической атмосферы военнаго служенія въ политическое партизанство, съ его многообразнымъ и разнобразнымъ возглавленіемъ? Но, если желаніе подражать бѣлымъ итальянцамъ такъ сильно, то надо прежде

всего понять, что въ Италіи фашизмъ строился не снизу, не отъ партизанской ячейки, а сверху, отъ Муссолини и его ближайшихъ, строго подчинявшихся ему сотрудниковъ; что Италія спаслась именно своими небольшими размѣрами и безспорной единственностью вождя, въ которомъ соединились патріотическая идейность, замѣчательная политическая интуиція, властная воля, умѣніе выбирать людей и чувство мѣры и такта; что именно это сдѣлало итальянскій фашизмъ не множествомъ безсильныхъ водоворотовъ, а единымъ могучимъ приливомъ, который поднялся по единой волѣ и вновь улегся по ея указу...—

Это было величавое историческое зрѣлище: — соединеніе инициативнаго произвола съ огромной дисциплиной; патріотическаго возстанія съ поддержаннымъ въ странѣ правопорядкомъ; это была армія, побѣдившая одною своею мобилизаціею и распущенная по домамъ безъ генеральнаго сраженія. Напрасно было бы думать, что это «легко повторить» или что это «всѣ могутъ»... Нѣтъ; за этимъ скрывается тысячелѣтнее правосознаніе, воспитанное римскимъ правомъ и римскою церковью, — огромная дисциплина, обратно пропорціональная размѣрамъ страны... Имѣется ли это въ Россіи, въ русскомъ характерѣ, въ русской народной массѣ? Можетъ ли найтись въ Россіи, да еще послѣ такой революціи, правосознаніе, которое не допустить до возникновенія множества разныхъ «фашизмовъ»; которое наполнить актъ патріотическаго произвола — политическою рыцарственностью, имущественной корректностью и дисциплиной, прямо пропорціональной размѣрамъ нашей страны; которое сумѣетъ найти необходимыя и вѣрныя границы для своего произвола и не превратится въ погромную партизанщину?

Или, еще короче: сумѣетъ ли русскій политическій фашизмъ, ячейкамъ котораго уже нынѣ тѣсно и душно въ свободной формѣ Обще-Воинскаго Союза, сумѣетъ ли онъ остаться бѣлымъ? Тяготясь военной дисциплиной (Приказъ 82!), сумѣетъ ли онъ создать равносильную ему полувоенную или штатскую дисциплину? Не рискуетъ ли онъ незамѣтно промѣнять патріотизмъ на партійность, растерять свою бѣлизну въ чисто политической

борьбѣ и выродить свое служеніе въ исканіе личнаго успѣха? А если возникнетъ не бѣлый фашизмъ, то къ чему приведетъ онъ въ Россіи — къ воссоединенію и возрожденію, или къ новой формѣ гражданской войны?

Бѣлый духъ есть не духъ части, а духъ цѣлаго; онъ ищетъ не власти, какъ всякая политическая партія, и служенія родинѣ, какъ всякая вѣрная армія... —

Таковы тѣ сомнѣнія, которыя я считаю необходимымъ поставить передъ умственнымъ взоромъ русскаго зарубежнаго патріота и фашиста, и тѣ спасенія, которыя я хочу довести до свѣдѣнія его бѣлаго сердца.

Не въ необходимости борьбы я сомнѣваюсь; а въ необходимости переходить къ формамъ политической организациі. Наша борьба необходима и священна. Но она должна оставаться бѣлой борьбой. Останется ли она бѣлою, вступивъ на партійные пути — въ этомъ мое опасеніе...

Я опасуюсь не активизма, направленнаго противъ врага: напротивъ. Но я опасуюсь эмигрантской «политики», которая такъ часто съ трудомъ собираетъ средства лишь для того, чтобы поддерживать нежизненные и раскалывающія организаціонныя формы...

Духъ русскихъ фашистовъ — патріотическій, волевой и активный; не для осужденія этого духа я взялся за перо. Но для того, чтобы сказать моимъ бѣлымъ братьямъ, фашистамъ: берегитесь беспочвенной, зарубежной «политики»! Она таитъ въ себѣ опасность разложенія и утраты бѣлаго духа...

И. А. Ильинъ.

I. ВОЙНЫ РОССИИ.

Русскій народъ миролюбивъ. Въ этомъ не приходится убѣждать того, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ внутреннимъ, духовнымъ обликомъ средняго русскаго человѣка. Въ этомъ убѣждаетъ всякаго и прошлое русскаго народа, не знающее ни рыцарства, ни ландскнехтовъ, ни кондотьеровъ, водившихъ наемныя войска на всевозможныя приключенія. Русскому народу всегда было чуждо римское «горе побѣжденнымъ!» О «русскомъ буйствѣ» не было слышно даже на зарѣ исторіи.

И все-таки, несмотря на природное миролюбіе, русскому народу пришлось воевать безъ конца. Съ 1055 года по 1462 Соловьевъ насчитываетъ 245 извѣстій о нашествіяхъ на Русь и внѣшнихъ столкновеніяхъ, при чемъ 200 изъ нихъ приходится на 1240—1462 г.г., что даетъ въ среднемъ по одному почти на каждый годъ. Въ дальнѣйшемъ, — «съ XIV вѣка, съ котораго можно считать возрожденіе русскаго государства», — говоритъ знатокъ русской военной исторіи, ген. П. Н. Сухо-тинъ *), — «и до нашихъ дней, въ теченіе 525 лѣтъ (1836—1893) Россія провела въ войнахъ 305 лѣтъ, а считая войну на Кавказѣ, — 329 лѣтъ, т. е. *почти два трети своей жизни*». —

Безсчетны русскія жертвы на поляхъ сраженій. Столѣтіями лились потоки русской крови. — Почему? Зачѣмъ? Что куплено такою дорогою цѣною?

До середины XVIII вѣка, пока Россія не вмѣшивалась въ дѣла Европы, всѣ русскія войны носили характеръ *защиты* собственныхъ интересовъ, разумно и бережно охраняемыхъ. Войны «династическихъ», «религіозныхъ» или просто отъ избытка воинственнаго пыла и стремленія господствовать надъ сосѣдями. — Россія *не знала*. Со времени нашествія татаръ и до Петра Великаго Россіи приходилось къ тому же думать *только объ оборонѣ*, сопряженной иногда съ отсутствіемъ, иногда же наступательной. Того требовала историческая обстановка, весьма неблагоприятно складывавшаяся для русскаго племени.

Запоздавъ съ появленіемъ на исторической сценѣ, вынужденные двигаться на сѣверо-востокъ съ «общеславянскаго

*) «Война въ исторіи русскаго міра». СПБ., 1894.

гнѣзда», каковымъ явились первоначально Карпаты, славяне, образовавшіе русское государство, зацѣпились за «великій водный путь изъ варягъ въ греки» (Финскій заливъ, Нева, Ладозское озеро, Волховъ, озеро Ильмень, Ловатъ и черезъ волокъ въ Днѣпръ). Этимъ воднымъ путемъ, который давалъ средоточіе и исходъ для ихъ хозяйственной работы, и служить источникомъ торговыхъ выгодъ и культуры — опредѣлилось основное, *сѣверо-южное* направленіе въ развитіи русской государственной жизни. Водная линія: Нева—Днѣпръ стала осью русской исторіи. Но на бѣду количественный недостатокъ живой силы у русскихъ славянъ во времена первоначальнаго расселенія помѣшалъ имъ сразу и цѣликомъ овладѣть этимъ цѣннѣйшимъ изъ всѣхъ природныхъ достояній, выпавшихъ на нашу долю. Устья рѣкъ (Невы, Западной Двины и Днѣпра) остались во вражескихъ рукахъ. Отсюда основное и главное историческое заданіе, поставленное съ первыхъ же дней существованія русскому государству: *овладѣть выгодами въ сѣверное и южное море*. Отсюда самые важные «вопросы», поставленные Россіи исторіей: *Прибалтійскій и Южный («проливы»)*.

Слѣдующимъ по времени возникновенія явился *вопросъ Польскій*, а затѣмъ *Литовскій*. Уже съ конца X вѣка пограничныя столкновенія постепенно принимаютъ характеръ натиска со стороны Польши, въ лицѣ которой *латинскій міръ* поднимаетъ упорную борьбу съ *Православіемъ*. «Польскій» и «Литовскій» вопросы, оказываются навязанными исторіей русскому народу не только какъ *политическіе*, но и какъ отголосокъ европейскіхъ *религіозныхъ* столкновеній, совершенно чуждыхъ ищущему покоя Православію. Вопросы эти становятся обостренными, роковыми для *независимаго бытія* русскаго государства съ самаго времени татарскаго нашествія. Последнее раскололо единое до тѣхъ поръ русское племя, отдавъ западный его отсѣкъ во власть наступающей Польши и Литвы; оно создало тѣхъ, про кого Екатерина II, почти завершившая дѣло собиранія русскихъ славянъ, сказала: «отторгнутыя возвратихъ».

«*Татарскій вопросъ*», возникшій въ XIII вѣкѣ, оказался несомнѣнно первымъ и самымъ важнымъ по грозности. Трудно сомнѣваться въ томъ, что споръ Россіи съ Польшей и Литвой окончился бы совершенно иначе, если бы Русь осталась татарскимъ «улусомъ». Отторгнутые (и сколько?) оказались бы въ такомъ случаѣ навѣки потерянными. Но Россія преодолѣла татарщину. И борьба съ ней, по мѣрѣ ея вѣковыхъ успѣховъ, вовлекала Россію въ наступленіе на юго-востокъ (*Персидское* направленіе) и на *Дальній Востокъ*; она привела ее къ Памиру и Тихому океану. Точно пружина, долго сжимавшаяся натискомъ Азіи, выпрямилась—послѣ взятія въ 1552 г. Казани Россія, распространившись на 10.000 верстъ, оказалась постав-

ленною передъ новыми сложнѣйшими задачами; онѣ выросли изъ оборонительнаго по началу наступленія, вышедшаго далеко за предѣлы тѣхъ граней, какія до сихъ поръ еще опредѣляютъ великодержавное значеніе Россіи по сѣверо-южной основной исторической линіи «изъ варягъ въ греки».

Важность этого послѣдняго направленія, гениально оцѣненная Петромъ Великимъ, выдвинула въ императорскій періодъ на первое мѣсто—задачу овладѣнія южно-морскимъ выходомъ. Такъ возникъ сначала *вопросъ Турецкій*, ставшій впоследствіи въ глазахъ Европы *восточнымъ*, а съ Русской точки зрѣнія *вопросомъ о проливахъ*.

Итакъ, изъ всѣхъ заданий, или «вопросовъ», которые Россіи пришлось разрѣшать на протяжении тысячелѣтней своей исторіи, только *Балтійскій* и *южно-морской* были поставлены самимъ русскимъ народомъ; они остаются и нынѣ основной предпосылкой удовлетворенія самыхъ жизненныхъ его потребностей. Всѣ остальные въ той или иной степени вытекали изъ обстановки, созданной помимо воли русскаго народа и въ значительной мѣрѣ въ связи съ невозможностью разрѣшить удовлетворительно ту задачу, которую онъ самъ себѣ поставилъ. Надъ этимъ полезно задуматься тѣмъ, кто забываетъ, что народъ, сумѣвшій вырости въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ до численности русскаго,—*не можетъ быть произвольно тѣснымъ*, безъ того, чтобы не нашла какого-либо выхода его неизжитая энергія. Азія (половцы, потомъ татарщина) оттѣснила было Русь съ «великаго воднаго пути . . .» И Россія пришла на Тихій океанъ! Европа, преградившая затѣмъ путь къ Прибалтикѣ и проливамъ, уже довела Россію до Памира . . . А тѣмъ временемъ на мѣстѣ 12 милліоновъ населенія, съ какимъ начинала свой путь Россійская Имперія при Петрѣ, даже за совѣтской колючей проволокой осталось 150 милліоновъ, среди которыхъ около 100 милліоновъ самыхъ настоящихъ, безспорныхъ русскихъ. тѣхъ, усиліями которыхъ творилась, главнымъ образомъ, славная Россійская исторія.

Всѣ эти усилія отнюдь не питали войнъ. Наоборотъ. Задолго до появленія на свѣтѣ Лиги Націй, русская государственная власть знала и примѣняла тѣ способы (разумѣется вышше отличные отъ примѣняемыхъ въ XX вѣкѣ), которые нынѣ считаются дѣйственными въ Женевѣ. Россія, какъ уже указывалось, до самаго XVIII вѣка *оборонилась*. И обороняясь, она старалась прежде всего заставить *время* работать въ своихъ интересахъ. Она стремилась *отдалить* столкновенія, если не вовсе устранить кровопролитіе. На это указываетъ Соловьевъ, по подсчетамъ котораго изъ 200 войнъ, съ 1224 по 1462 г., только 61 отмѣчена извѣстіями о сраженіяхъ, остальные же свелись къ *угрозамъ передвиженіями войскъ*. Такъ было при великихъ князьяхъ. Не менѣе осторожно обращалась

съ войной царская и императорская власть. За рѣдкими исключеніями, извѣстными въ позднѣйшее время. — Россія *не шла на войну опрометчиво*, съ легкимъ сердцемъ. Хотя бы уже потому, что давно обозначившееся превосходство европейской техники надъ русскими ополченіями являлось постоянно вѣскимъ предостереженіемъ. (Особенно сильно это неравенство вооруженій сказалось въ борьбѣ Іоанна Грознаго съ Баторіемъ. но оно чувствовалось всегда и позже — до нашихъ дней: примѣръ — Нарва. первое пораженіе Петра. Севастополь и т. д.).

Бережное и ответственное отношеніе русской государственной власти къ объявленію войны постоянно отмѣчаетъ Ключевскій (достаточно вспомнить вопросъ о Ливонскомъ походѣ при Іоаннѣ Грозномъ; вопросъ о войнѣ съ Польшей изъ-за присоединенія Малороссіи по просьбѣ Богдана Хмѣльницкаго при Алексѣѣ Михайловичѣ; уступки Императора Николая I въ переговорахъ передъ Крымской войной; долгія колебанія Императора Александра II передъ объявленіемъ войны Турціи изъ-за славянъ и другое). И если не считать злополучной японской войны, то лишь тѣ немногія войны, въ которыя Россія была втянута различными европейскими коалиціями и комбинаціями послѣ 1756 года. могутъ вызвать сомнѣніе въ смыслѣ ихъ неизбежности и соотвѣствія русскимъ жизненнымъ интересамъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ русское оружіе служило или непосредственно для *самозащиты* или для *закрѣпленія* такихъ государственныхъ граней, которыя отвѣчали *жизненнымъ нуждамъ великой страны* и обезпечивали безопасность для мирнаго и производительнаго труда населенія. —

Изъ 537 лѣтъ, прошедшихъ со времени Куликовской битвы до Брестъ-Литовска, Россія провела въ войнахъ 334 года. Войны эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ, по главнѣйшимъ направленіямъ и воюющимъ странамъ: *)

Западъ	Войнъ	Лѣтъ войны	Югъ	Войнъ	Лѣтъ войны
Швеція . . .	8	81	Турція . . .	12	48
Польша . . .	10	64	Крымъ . . .	8	37
Литва . . .	5	55	Кавказъ . . .	2	66
Ливонія . . .	3	55	Персія . . .	4	28
Франція . . .	4	10	Востокъ		
Германія . .	1	3	Монголы . . .	?	130
Пруссія . . .	2	8	Сибирь . . .	1	35
Италія . . .	2	4	Амуръ . . .	1	1
Австрія . . .	1	1	Кульджа . . .	1	1
Венгрія . . .	1	1	Хива . . .	4	6
Австро-Венгрія	1	3	Вухара . . .	1	5
Англія . . .	1	3	Кокандъ . . .	3	15
			Текс . . .	1	3
			Афганистанъ .	1	1
			Японія . . .	1	2

*) Общій итогъ военныхъ лѣтъ по этой таблицѣ составляетъ 666, т. е. почти вдвое болѣе приведенной выше цифры (334). Объясняется это тѣмъ, что за указанное время Россіи пришлось вести 134 года

Первый выводъ, который напрашивается изъ приведенной таблицы **) тотъ, что нашимъ главнымъ врагомъ, натискъ и преодоленіе котораго потребовали наибольшаго напряженія, — были *азиатскіе кочевники*. Монгольскій погромъ (1240) явился самымъ тяжелымъ ударомъ, какой пришлося когда-либо вынести Россіи, еще не успѣвшей утвердить своей государственности. Но если страшенъ былъ этотъ ударъ, то велики были и силы, собранныя русскимъ народомъ для преодоленія Татарщины. 130 лѣтъ войны послѣ Куликовской битвы на востокъ да 37 лѣтъ войны съ Крымомъ (не считая отраженія отдѣльных татарскихъ набѣговъ послѣ 1240 года и половецкихъ набѣговъ до того). — такова совокупность неимовѣрныхъ усилій, приложенныхъ русскимъ народомъ на протяженіи пяти съ лишнимъ столѣтій. — чтобы *не дать Россіи стать улусомъ*.

За татарами на первомъ мѣстѣ по напряженности и продолжительности борьбы идетъ *Швеція*. Правда, по степени опасности ее нельзя сравнить съ татарами. Но нельзя и преуменьшать значенія этого упорнаго и прекрасно подготовленнаго къ войнѣ врага, стремившагося отбросить Россію отъ Балтійскаго моря. Помимо упорства, проявленнаго Швеціей (добившейся захвата Новгорода въ смутное время), она и по численности населенія почти равнялась Петровской Россіи (около 12 милліоновъ). Потребовалась гениальная настойчивость Петра Великаго, чтобы рѣшительными побѣдами въ 20-лѣтней войнѣ окончательно разбить шведскій натискъ. Полтавская побѣда (1709), одержанная Петромъ въ неблагоприятныхъ и очень опасныхъ условіяхъ рѣшила въ пользу Россіи многовѣковой споръ, въ которомъ Швеція, будучи зачинщицей, стремилась къ верховодству въ сѣверной Европѣ, а Россія била за выходъ къ морю и за возвратъ отнятыхъ Швеціей русскихъ земель. Почти 5 вѣковъ (1240—1721) потребовалось для того, чтобы отстоять эти законнѣйшія и жизненные требованія.

Не менѣе упорной и грозной была борьба съ *Польшей* и *Литвой*, растянувшаяся почти на 7 вѣковъ отъ перваго столкновенія съ «ляхами» при Владимірѣ Святѣмъ (981) до 1667 года, когда Алексѣемъ Михайловичемъ былъ нанесенъ Польшѣ такой же рѣшительный ударъ, какъ Швеціи при Полтавѣ. Особенно яростно насаждали наши западные сосѣди (Польша, Литва и Ливонія) въ концѣ XVI вѣка, какъ разъ въ то время, когда Россія собралась съ силами для перехода въ наступленіе на востокъ противъ Казани. Тѣмъ не менѣе Іоаннъ Грозный, справившись, наконецъ, съ Казанью, началъ

войны противъ различныхъ *союзовъ* и *коалицій*, одновременно съ нѣсколькими врагами (въ томъ числѣ одну войну сразу противъ 9 враговъ, 2 — противъ 5, 25 — противъ 3, и 37 войнъ противъ 2-хъ).

**) Она взята изъ упомянутой уже книги Н. Н. Сухотина, появившейся въ 1894 г. (стр. 32 и 33), которая использована въ дальнейшемъ.

свою знаменитую Ливонскую войну и одержать было нѣсколько успѣховъ. Но вмѣшательство Польши (Стефанъ Баторіи) не только свело ихъ на нѣтъ, но причинило Россіи и очень чувствительныя пораженія, причѣмъ Россіи пришлось скорѣе вести 20-лѣтнюю войну противъ союза западныхъ государствъ, по временамъ поддержаннаго набѣгами дикихъ крымцевъ. Напоръ съ запада былъ столь сильнымъ, что въ началѣ XVII вѣка, въ смутное время, Россія снова оказалась въ столь же трудномъ положеніи, какъ и во время монгольскаго нашествія. Русское государство было на краю гибели, а вѣковой врагъ въ Москвѣ. Однако, какъ только удалось изжить смуту,—натиску Польши былъ положенъ конецъ (1667) и въ императорскій періодъ войны велись уже не съ Польшей, а въ Польшѣ.

Войны въ южномъ направленіи уступаютъ по своей длительности многовѣковой и тяжелой оборонѣ на западѣ и на востокѣ. И все же это направленіе бесспорно является главнымъ. Ибо здѣсь Россія не оборонялась, а наступала, *пробивая себѣ дорогу къ южному морю*. Заслуживаетъ при этомъ особаго вниманія то, что съ самыхъ первыхъ походовъ варяжскихъ князей и до нашего времени наступленіе на югъ, надолго прерывавшееся самообороной, ведется по *тѣмъ же операціоннымъ линіямъ*. Эти основныя направленія: морской путь отъ Днѣпра и отъ крымскаго участка побережья (походы 860 г., 907, 941 и 988 г. на Византию); путь черезъ долину Дуная и Болгарію (походы 967—972, 1116 г.); путь въ промежуткахъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями (походы Святослава Владиміра и др. на Тмутарокань); и, наконецъ, сочетаніе этихъ путей въ пользованіи ими одновременно (944, 1043 г.).

Продвиженіе къ благодатному югу, стоившее Россіи въ новейшее время 18 войнъ, общою продолжительностью въ 142 года,—далось очень не легко. Но за все это время, съ первыхъ Азовскихъ походовъ Петра (1695—96) до взятія Эрзерума въ 1916 г., Россія потеряла на этомъ длинномъ пути только два пораженія: на Прутѣ (1711) и въ Крымскую кампанію, когда война велась не съ Турціей только, а со всей Европой. Три раза завѣтная цѣль уже казалась достигнутой: при Екатеринѣ II Суворовскія побѣды поставили на очередь «греческій проектъ», т. е. овладѣніе Константинополемъ; затѣмъ при Николаѣ I удачная война 1829 г. и крупная побѣда русской дипломатіи въ 1833 г. (договоръ Уніаръ Искелесси), сдѣлали Россію, въ качествѣ союзницы и покровительницы Турціи, хозяйкой надъ проливами. И, наконецъ, въ 1878 г. русскія войска стояли въ Санъ-Стефано, въ виду Константинополя. *Европейскіе дипломаты сдѣлали, однако, все, чтобы отложить успѣшное завершеніе этого національно-историческаго русскаго дѣла*. И все же въ 1915 году удалось добиться

отъ главныхъ противницъ появленія Россіи въ южныхъ водахъ: Англіи и Франціи—признанія ея правъ на проливы (Лондонскій договоръ). «Миръ безъ аннексіи и контрибуцій» не только разрушилъ это уже подготовленное торжество вѣковыхъ стремленій русскаго народа на югъ, но еще (безъ малѣйшихъ основаній) отдалъ во власть побѣжденной Турціи залитый русскою кровью Карсъ. Вопросъ о южно-морскомъ выходѣ для Россіи и ея вывоза остается, такимъ образомъ, и доселѣ неразрѣшеннымъ.

Тѣ войны Россіи, которыя велись *изъ-за европейскихъ дѣлъ* и стоили ей огромныхъ жертвъ, являются самыми безрезультатными, несмотря на блестящіе успѣхи русскаго оружія, неизмѣнно ихъ сопровождавшія. Въ 1756—60 г.г. впервые европейской дипломатіи (Австріи) удалось втянуть Россію въ семилѣтнюю войну за «австрійское наслѣдство». Но всѣ результаты побѣдъ (даже надъ самимъ Фридрихомъ Великимъ) были добровольно уничтожены Петромъ III, ставшимъ на другую (Прусскую) точку зрѣнія въ указанномъ вопросѣ. Точно также одну только славу принесли русскимъ ордамъ блистательные Суворовскіе походы 1798—99 г.г., когда Россія безкорыстно пошла на интервенцію противъ революціонной Франціи *) и затѣмъ вышла изъ коалиціи, убѣдившись въ корыстныхъ замыслахъ *Англіи* и *Австріи*. Тяжелая борьба съ Наполеономъ (1805—1806, 1812—1814), снова во имя «освобожденія Европы отъ тирана» (предупредительно предлагавшаго Россіи раздѣлъ областей вліянія), можетъ быть съ русской точки зрѣнія оправдана развѣ лишь тѣмъ, что безъ нея Наполеонъ окрѣпъ бы такъ, что и Россіи пришлось бы подчиниться его волѣ. Непосредственную же пользу отъ Наполеоновскихъ войнъ извлекла *Англія*. Попутно въ Тильзитѣ Александръ I спасъ Пруссію, которую Наполеонъ хотѣлъ уничтожить, а въ 1814 году, въ Парижѣ — Францію отъ неумѣренныхъ требованій Пруссіи и союзниковъ. Позднѣе въ 1849 году Николай I спасъ Австрію отъ развала. И за все это Европа «отблагодарила» въ Крымскую кампанію: тогда Австрія помѣшала развитію русскихъ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, «удививъ міръ неблагодарностью»; Франція, въ лицѣ Наполеона III, мстила за Наполеона I; а вся коалиція открыто или тайно, — *спасала Турцію*, противъ которой Россія шла, какъ освободительница угнетаемыхъ на Балканахъ христіанъ.

Тѣмъ не менѣе эту послѣднюю свою историческую миссію Россія блестяще выполнила, вопреки вооруженному сопротивленію турокъ и дипломатическому преніяствованію Европы.

*) Правительственная декларация опредѣляла цѣли войны такъ: «освободить Францію, сохранить ее неприкосновенно въ томъ положеніи, въ какомъ она была до революціи...» Весьма интересная формулировка задачъ *русской интервенціи!*

Еще Адрианопольскій миръ (1829) закрѣпилъ независимость Греціи и автономію княжествъ Молдавіи, Валахіи и Сербіи. Освободительная война 1877—1878 г.г. довершила то, чему Россіи помѣшали въ 1854—1855 г.: она обезпечила независимость Сербіи и Болгаріи. Наконецъ, въ 1914 году, когда надъ Сербіей повисла новая и тяжкая угроза. Россія обрекла себя на міровую войну, которой она *не хотѣла и не искала*, къ которой она *не была готова* и которая ей, по ея внутреннему состоянію, въ то время была *абсолютно не нужна и вредна*. Въ итогѣ — малые славянскіе народы раскрѣпощены и возрождаются; а великая славянская страна. — лоно и опора славянства въ мірѣ. — выбыла изъ строя и стала жертвою и орудіемъ чужеродныхъ и гибельныхъ силъ... —

Войны великаго народа вытекають изъ его органическихъ нуждъ и потребностей: отдѣльные правители могутъ, конечно, дѣлать ошибки, но въ общемъ ходѣ исторіи ихъ произволь не имѣетъ ни послѣдняго, ни рѣшающаго значенія. Россіи, какъ великой странѣ, предугазаны ея историческіе пути, заданія и опасности; и подъ ихъ давленіемъ слагались и *будутъ впродъ слагаться* ея войны. А правителямъ надлежитъ только *мудро блюсти соразмѣрность силъ и сроковъ*.

Б. Никольскій.

II. РОССИЯ ВЪ МІРОВОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Десятилѣтіе, предшествовавшее войнѣ, было и въ области развитія внѣшней торговли Россіи, какъ и во всѣхъ областяхъ хозяйственной дѣятельности, періодомъ быстрого развитія и роста. Съ каждымъ годомъ увеличивалось и укрѣплялось значеніе Россіи на міровомъ рынкѣ, какъ продавца и какъ покупателя.

За время съ 1899 по 1913 г. внѣшняя торговля Россійской Имперіи (по всѣмъ границамъ) увеличивалась слѣдующимъ образомъ (годовая средняя по пятилѣтіямъ въ милліонахъ рублей):

	Вывозъ	Ввозъ	Балансъ
1899—1903	793,3	630,2	+ 163,1
1904—1908	1046,0	769,5	+ 276,5
1909—1913	1501,4	1139,6	+ 361,8

Такимъ образомъ, въ промежутокъ времени между первымъ и третьимъ пятилѣтіемъ *русскій вывозъ почти удвоился (возросъ на 89%)*. Соотвѣтственно увеличивался и привозъ ино-

странныхъ товаровъ въ Россію и *улучшался въ ея пользу активный торговый балансъ* (превышеніе вывоза надъ ввозомъ).

Тѣмъ не менѣе, если взять обороты внѣшней торговли *изъ расчета на душу населенія*, то Россія занимала *последнее мѣсто въ Европѣ* (за исключеніемъ одной Болгаріи). Такъ, на примѣръ, если раздѣлить сумму вывоза на число жителей, то для отдѣльныхъ странъ въ 1913 году получались слѣдующія цифры (въ герм. маркахъ на душу): Россія — 23.85 мар., Германія — 150.20 мар., Великобританія — 283.69 мар., Бельгія — 388.83 мар., Соединенные Штаты — 106.77 мар.

Такой относительно низкій размѣръ внѣшней торговли Россіи изъ расчета на душу населенія (въ 12 разъ меньше душевого оборота Великобританіи и въ шесть разъ меньше Германіи), объяснялся, конечно, прежде всего бѣдностью и отсталостью Россіи. Но это не значить еще, что Россія должна была ставить себѣ цѣлью обязательно догнать въ этомъ отношеніи такія страны, какъ Англія или Германія. Низкій размѣръ внѣшней торговли изъ расчета на душу населенія является не только недостаткомъ, показателемъ бѣдности, но и преимуществомъ, поскольку онъ отражаетъ тотъ фактъ, что Россія, вслѣдствіе огромнаго своего протяженія, изобилія и разнообразія своихъ естественныхъ богатствъ, *была и особенно будетъ въ состояніи удовлетворять сравнительно очень большую часть потребностей своего населенія внутренней добычей и производствомъ*. Сѣверные лѣса и туркестанскій хлопокъ, сибирскіе мѣха, кавказскій марганецъ и крымскія вина — уже этотъ краткій перечень свидѣтельствуетъ о томъ, какія разнообразныя потребности своего населенія и своей промышленности Россія могла въ прошломъ и сможетъ въ будущемъ удовлетворять *не прибѣгая къ иностранному ввозу*.

Въ этомъ отношеніи по своему экономическому типу Россія ближе всего подходитъ къ Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки. Какъ видно изъ приведенныхъ выше цифръ, несмотря на свое богатство, Соединенные Штаты по оборотамъ внѣшней торговли на душу населенія стоятъ далеко позади и Англіи и Германіи. Съ точки зрѣнія устойчивости развитія и хозяйственной независимости страны это является огромнымъ преимуществомъ. Такъ Англія переживаетъ послѣ войны хроническій промышленный кризисъ вслѣдствіе того, что цѣлый рядъ странъ, которыя она снабжала раньше своими издѣліями въ качествѣ «мірового фабриканта», во время и послѣ войны усиленно стали развивать собственную промышленность. Въ то же время Америка, опираясь на свой громадный и богатый внутренний рынокъ, переживаетъ періодъ необычайнаго промышленнаго и вообще хозяйственнаго расцвѣта.

Что касается *состава русскаго вывоза* до войны, то Россія какъ страна земледѣльческая, вывозила, главнымъ образомъ,

продукты сельского и лесного хозяйства, а также *животноводства*. Поскольку Россія вывозила промышленныя издѣлія, этотъ вывозъ направлялся, главнымъ образомъ, на азіатскіе рынки (Гуція, Персія, Китай), гдѣ Россія обладала большими географическими преимуществами.

Въ пятилѣтіе 1909—1913 средній годовой вывозъ распределялся по главнѣйшимъ товарнымъ группамъ слѣдующимъ образомъ:

	Милліоны рублей	Какой процентъ общаго вывоза
Продукты земледѣлія	920,4	61,3 %
Животныя и продукты животноводства	269,1	17,9 %
Лѣсные товары	151,0	10,1 %
Ископаемые	76,1	5,0 %
Издѣлія и прочіе товары	84,8	5,7 %
Общій итогъ	1.501,4	100,0 %

Почти половина всего вывоза Россіи (676,4 милл. р. или 45%) приходилось на вывозъ зерновыхъ хлѣбновъ (включая муку и отруби). Такое огромное преобладаніе зерновыхъ продуктовъ являлось *опаснымъ и невыгоднымъ*; опаснымъ потому, что ставило всю внѣшнюю торговлю страны въ очень большую зависимость отъ колебаній урожаевъ, въ Россіи, какъ извѣстно, особенно значительныхъ и рѣзкихъ; невыгоднымъ — потому, что для страны выгоднѣе вывозить зерно въ «облагороженномъ» видѣ, т. е. въ видѣ *продуктовъ интенсивнаго сельскаго хозяйства* (мясо, масло, яйца и т. п.). Но за послѣдніе 10—15 лѣтъ до войны русскій вывозъ быстро измѣнялся именно въ этомъ направленіи — вывозъ такихъ продуктовъ, какъ коровье масло и яйца, увеличивался абсолютно и относительно быстрѣе вывоза хлѣбныхъ продуктовъ. Если сравнить, такимъ образомъ, трехлѣтіе 1911—13 съ пятилѣтіемъ 1896—1900, то въ среднемъ въ годъ вывозъ масла увеличился по цѣнности съ 7.1 милл. р. до 70.4 милл. р., а вывозъ яицъ — съ 27.7 милл. р. до 85.5 милл. р.

Въ противоположность вывозу, русскій *ввозъ* состоялъ, главнымъ образомъ, изъ *промышленныхъ издѣлій и машинъ*, которыя еще не производились въ Россіи, а также изъ тѣхъ видовъ промышленнаго *сырья* (и колоніальныхъ продуктовъ), которые *не* производились въ Россіи *совсѣмъ* (чай, кофе, резина) или производились въ *недостаточномъ количествѣ* (хлопокъ).

Въ распредѣленіи русскаго ввоза и вывоза *по странамъ* отражались какъ характеръ и составъ русскаго внѣшняго товарообмѣна, такъ и географическое положеніе Россіи. Послѣднимъ обстоятельствомъ въ частности объяснялось иреобладающее положеніе въ русскомъ ввозѣ и вывозѣ Германіи.

Въ послѣднемъ мирномъ году (1913) изъ общаго *ввоза* въ размѣрѣ 1.374 милл. руб. на долю Германіи приходилось 643 милл. или 47%: второе мѣсто въ русскомъ ввозѣ занимала Англія (170 милл. или 12,4%), третье — Соединенные Штаты (74 милл. или 5,4%). Въ нашемъ *вывозѣ* преобладаніе Германіи было нѣсколько меньшимъ — изъ общаго вывоза въ 1.520,1 милл. р. въ 1913 г. въ Германію направлялось 453 милл. р. или 30%: соотвѣтственно этому нѣсколько больше была и доля Англіи въ нашемъ вывозѣ (267 милл. руб. или 17,5%).

Уже война нанесла виѣшней торговлѣ Россіи тяжелый ударъ. Россія была почти отрѣзана отъ виѣшняго міра. Съ блокадой Балтійскаго побережья и закрытіемъ проливовъ послѣ вступленія въ войну Турціи для ввоза и вывоза оставались только Владивостокъ съ 10.000 верстнымъ желѣзнодорожнымъ пробѣгомъ грузовъ — съ одной стороны, и Архангельскъ и Мурманскъ — съ другой. При этомъ Архангельская желѣзная дорога обладала ничтожной пропускной способностью и была перенита на широкую колею уже во время войны, а построенная съ колоссальными трудностями Мурманская желѣзная дорога была закончена незадолго до революціи. Всѣ эти пути были почти исключительно заняты перевозкой военныхъ грузовъ.

Большевицкій переворотъ оборвалъ послѣднія нити, связывавшія Россію во время войны и непосредственно послѣ нея съ міровымъ хозяйствомъ, настолько, что въ 1920—21 г. весь вывозъ СССР. равнялся 10 милл. р. или 0,6% вывоза Россійской Имперіи въ 1913 г.

Послѣ объявленія Нэпа и постепеннаго возстановленія крестьянскаго хозяйства, виѣшняя торговля СССР. также начинаетъ возрастать, но и сейчасъ она по объему не достигла еще и *половины* довоеннаго оборота виѣшней торговли Россіи.

По современнымъ цѣнамъ (въ червонныхъ рубляхъ) виѣшняя торговля СССР. выражалась за послѣдніе 4 года въ слѣдующихъ цифрахъ (по европейской границѣ):

	Ввозъ.	Вывозъ.	Балансъ
1923—24)	387	480	+ 93
1924—25	644	508	— 136
1925—26	674	589	— 85

Въ истекшемъ 1926—27 хозяйственномъ году вывозъ по всѣмъ границамъ составилъ 768 милл. р., ввозъ — 712 милл. р. съ активнымъ торговымъ балансомъ въ размѣрѣ 55,9 милл. р.

Если, какъ дѣлаетъ это совѣтская статистика, пересчитать цѣнность ввоза и вывоза на довоенные рубли (т. е. по довоен-

*) Хозяйственный годъ въ совѣтской Россіи считается съ 1 октября по 1 октября.

нымъ цѣнамъ), то окажется, что вывозъ 1926—27 года составлялъ всего 555 милл. р., что въ свою очередь по исчисленію, приведенному въ статьѣ Наркомторга Микояна («Правда». 3 ноября 1927 г.) составляетъ 42% довоеннаго экспорта.

Этотъ упадокъ внѣшней торговли совѣтской Россіи отразился прежде всего на *рѣзкомъ сокращеніи удѣльнаго вѣса СССР въ міровомъ товарообмѣнѣ* — по сравненію съ тѣмъ вѣсомъ, который имѣла Россія прежде.

По даннымъ, разработаннымъ секретариатомъ Лиги Націй въ связи съ созывомъ міровой Экономической Конференціи въ Женевѣ въ маѣ 1927 г., въ 1913 году на долю Россіи приходилось *почти 4% (точно 3,9%)* всего мірового торговаго оборота, при чемъ Россія по размѣрамъ своей торговли стояла *на шестомъ мѣстѣ* среди другихъ великихъ державъ. Въ 1925 году участіе совѣтской Россіи въ международномъ товарообмѣнѣ составляло всего 1,06%, т. е. *доля ея сократилась въ четыре раза*; при этомъ въ ряду другихъ странъ СССР. *занимаетъ уже 23-е мѣсто* — позади такихъ государствъ какъ Испанія, Швейцарія и Данія и по оборотамъ своей торговли совѣтская Россія сравнялась съ маленькой Кубой. Почти въ тѣхъ же цифрахъ (для 1926 г.—1,14%) исчисляють участіе СССР въ міровомъ оборотѣ и совѣтскіе статистики (см. статью Ламброва: «СССР. въ міровомъ торговомъ оборотѣ», въ журналѣ «Советская Торговля» отъ 10 ноября 1927 г.).

Сокращеніе территоріи СССР. по сравненію съ территоріею прежней Россійской Имперіей является, конечно, одной изъ причинъ уменьшенія внѣшней торговли, но причиной далеко не главной. По расчету, приведенному въ указанной выше статьѣ Микояна, — расчету, статистическую точность котораго трудно провѣрить, но который повидимому приблизительно соответствуетъ истинѣ, *на уменьшеніе территоріи прежней Россіи нужно съ общей суммы экспорта скинуть 15%*. Другими словами, при общемъ вывозѣ Россіи въ 1913 г. въ 1.520 милл. р. за вычетомъ 220 милл. на вывозъ въ границахъ СССР приходится 1.300 милл. р. Сокращеніе территоріи является, такимъ образомъ, лишь второстепенной причиной въ ряду причинъ обусловившихъ небывалый упадокъ внѣшней торговли Россіи. Это станетъ особенно яснымъ, если еще принять во вниманіе сокращеніе вывоза по главнѣйшимъ статьямъ русскаго экспорта.

Въ 1909—13 г.г. Россія вывозила въ среднемъ 690 милл. пуд. зерновыхъ продуктовъ; въ 1926—27 (несмотря на третій сряду хорошій урожай) этотъ вывозъ составилъ всего 160 милл. пуд. или 23% прежняго количества. Соответственно этому сократилась и доля участія СССР въ снабженіи міра главнѣйшими хлѣбами. Для пшеницы эта доля сократилась съ 28,5% (1909—1913) до 6,1% (1926—1927), а для ячменя за то же

время съ 73,2% до 12,2% (по даннымъ журнала «Советская Торговля» отъ 28 іюля 1927 г.).

Вывозъ льна, даже съ учетомъ уменьшенія территоріи Россіи, сократился за то же время съ 12,8 милл. пуд. до 2,2 милл. пуд., т. е. свелся къ 17,2% прежняго размѣра. Вывозъ другихъ основныхъ предметовъ русскаго вывоза составлялъ въ 1926-1927 г. по сравненію съ довоеннымъ временемъ — для масла коровьяго — 48%, для яицъ — 23%, для лѣса — 56%, и т. д.

Въ вопросѣ о сокращеніи хлѣбнаго вывоза до одной четверти прежнихъ его размѣровъ — одной изъ важныхъ причинъ, и при томъ причиною, которая сохранить свое дѣйствіе и послѣ ликвидаціи большевиковъ, — явилось *уничтоженіе помѣщичьяго хозяйства*. Хотя на долю помѣщичьяго хозяйства по всей Россіи приходилось всего около 10% всей посѣвной площади, тѣмъ не менѣе роль помѣщичьяго хозяйства, какъ хозяйства *работающаго на рынокъ*, въ снабженіи внутренняго и ви́шняго хлѣбнаго рынковъ была гораздо большей. На долю помѣщичьяго хлѣба въ общей массѣ товарнаго (т. е. поступающаго на рынокъ) хлѣба приходилось отъ 30 до 40%.

Какъ ни важна эта причина, она не можетъ одна объяснить рѣзкаго сокращенія русскаго экспорта, ибо сокращеніе этого послѣдняго значительно превышаетъ количество всего помѣщичьяго хлѣба, шедшаго на вывозъ. Нельзя также объяснить сокращеніе вывоза зерна и другихъ продуктовъ однимъ только сокращеніемъ посѣвовъ и уменьшеніемъ производства этихъ продуктовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Такъ вывозъ льна составляетъ всего одну шестую прежняго вывоза, а между тѣмъ площадь посѣвовъ *превысила* уже теперь довоенную площадь.

Основная причина упадка и застоя вывозной торговли СССР заключается въ томъ, что *при существующихъ высокихъ цѣнахъ на издѣлія советской промышленности* (которые большевики вотъ уже нѣсколько лѣтъ тщетно пытаются понизить) *русскій крестьянинъ не заинтересованъ въ увеличеніи своего производства на рынокъ*: онъ фактически возвращается къ натуральному хозяйству. Изъ льна, который онъ прежде продавалъ, чтобы на вырученныя деньги купить мануфактуру, онъ теперь вырабатываетъ холстъ; зерно — вслѣдствіе невыгодно-низкихъ цѣнъ, которыя предлагаютъ ему советскіе скупщики-монополисты, онъ скормливаетъ скоту, — отсюда то необычайно быстрое возстановленіе скота, которое наблюдается въ русской деревнѣ за послѣдніе годы. Словомъ, *увеличилось «осѣданіе» продуктовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ*.

Когда съ крестьянскаго хозяйства будутъ сняты путы коммунистическаго ига, оно несомнѣнно быстро начнетъ увеличивать производство и продажу сельско-хозяйственныхъ про-

дуктовъ для рынка, и въ частности, для экспорта. Но тутъ придется преодолевать другое препятствіе — наслѣдіе войны и революціи. *За 14 лѣтъ отсутствія Россіи на міровомъ рынкѣ (1914—1917), мѣсто ея было занято другими.* Ея главнѣйшіе конкуренты увеличили производство въ размѣрахъ, иногда превышающихъ дефицитъ, образовавшійся вслѣдствіе исчезновенія Россіи съ мірового рынка.

Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ вывозъ пшеницы изъ СССР за трехлѣтіе 1922—24 составлялъ въ среднемъ въ годъ 193.000 тоннъ противъ прежнихъ 3.300.000 т. (послѣднее трехлѣтіе передъ войной; сокращеніе на 2.100.000 т.). — три главныхъ конкурента Россіи на пшеничномъ рынкѣ, Соединенные Штаты, Канада и Аргентина. — за то же время увеличили свой вывозъ съ 6.840.000 тоннъ до 13.910.000 тоннъ (увеличеніе на 7.000.000 тоннъ).

Вывозъ масла изъ Россіи въ 1924 г. понизился по сравненію съ довоеннымъ временемъ на 46.000 т. (съ 68.000 до 22.000), но за это время три главныхъ конкурента Россіи по вывозу масла — Данія, Новая Зеландія и Аргентина — увеличили свой вывозъ на цѣлыхъ 108.000 тоннъ (съ 109.000 до 217.000).

Это, конечно, не означаетъ, что Россія не сможетъ отвоевать свое старое и принадлежащее ей по праву мѣсто въ міровомъ товарообмѣнѣ, особенно, если принять во вниманіе, что это отвоевываніе будетъ происходить постепенно — вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ ростомъ міровой потребности въ главныхъ предметахъ русскаго вывоза.

Но это значитъ, что и въ этой области потребуется *полное хозяйственное напряженіе всего народа и мудрое руководство со стороны будущей государственной власти* для того, чтобы залѣчить тяжелыя раны, нанесенныя хозяйству Россіи войной и революціей.

В. Гефдингъ.

III. ЯДЪ ПАРТІЙНОСТИ.

Дѣленіе людей на партіи неизбежно: ибо всюду, гдѣ люди думаютъ, — обнаруживается и разногласіе, и единомысліе; а объединеніе единомышленниковъ даетъ имъ умственную увѣренность и увеличиваетъ ихъ силы въ борьбѣ.

Но *духъ политической партійности* всегда ядовитъ и разлагающъ. Сущность его состоитъ въ томъ, что люди — изъ честолюбія посягаютъ на власть; ставятъ часть выше цѣлаго: соз-

даютъ атмосферу разлагающей нетерпимости; обращаются въ борьбѣ къ самымъ дурнымъ средствамъ; становятся зловредными демагогами; превращаютъ партійную программу въ критерій добра и зла.

Этимъ духомъ заражаются одинаково — какъ лѣвыя партіи, такъ и правыя.

1. Политическая партія всегда добивается верховной власти: это ея основная цѣль; къ этому направлены всѣ ея усилія. Но именно поэтому во главѣ ея оказываются тѣ люди, которые *способны профессионально заниматься захватомъ власти — профессионалы честолюбія*. Обычно бываетъ такъ, что лишь очень немногіе изъ нихъ уже были у власти; почти никто изъ нихъ не провѣрилъ своего умѣнія властвовать; большинство изъ нихъ навѣрное не призвано и не способно править*). Но всѣ они заранѣе, всю жизнь, воображаютъ себя «министрами» или «президентами», примѣриваются, комбинируютъ и посягаютъ, часто безвольные и безхарактерные, дезорганизаторы и политическіе дилеттанты.

Итакъ, духъ партійности *выдвигаетъ наверхъ профессиональных честолюбцевъ, непризванныхъ дилеттантовъ, политическихъ карьеристовъ*.

2. Всякая партія представляетъ лишь меньшинство людей въ странѣ; противоположное утвержденіе есть ложь, которая всегда можетъ быть опровергнута статистически. Поэтому «побѣда» любой партіи при любой избирательной системѣ *даетъ меньшинству власть надъ большинствомъ*. Это меньшинство, восходящее къ власти снизу и лишенное традицій здоровой государственности, несетъ съ собою интересы того народнаго слоя (класса, сословія, группы), которому его программа «угодила» и который поэтому за него голосовалъ; а это и есть *духъ части* который стремился господствовать надъ *цѣлымъ* и теперь начинаетъ выдавать *свой* интересъ за интересъ *обще-національный*. Понятно, что партія, которая исходила бы отъ цѣлаго и выдвинула бы истинно-государственную программу — должна была бы потребовать отъ *всѣхъ* классовъ *жертвенности и служенія*; именно поэтому ей было бы особенно трудно собрать «большинство голосовъ».

Итакъ, духъ партійности *разжигаетъ своекорыстіе классовъ и группъ; и тѣмъ искажаетъ и предаетъ государственное дѣло*.

3. Всякая партія хотѣла бы имѣть страстныхъ приверженцевъ. Страстность есть залогъ избирательной «побѣды»; бурная пропаганда, настойчивая агитація, темпераментныя рѣчи — все это пріобрѣтаетъ голоса для выборовъ и читателей для партійныхъ газетъ; все это сбиваетъ людей, лишаетъ ихъ собственного мнѣнія и навязываетъ имъ партійный трафаретъ.

*) Срв. въ первой книжкѣ «Русскаго Колокола», статью Старога Политика «О политической работѣ».

Соревнованіе и честолюбіе разжигаютъ эту страстность до фанатизма, а фанатизмъ несетъ съ собою духъ ненависти, ослѣпленія, нетерпимости и исключительности: всѣ несогласные превращаются въ «идіотовъ» или въ «подлецовъ», по отношенію къ которымъ все позволено.

Итакъ, духъ партійности *затмѣняетъ у людей разумъ и правосознаніе, создавая атмосферу нетерпимости, разъединенія и гражданской войны.*

4. Въ борьбѣ за власть одержимые партійные честолюбцы обычно обращаются ко *всѣмъ* средствамъ и не останавливаются даже передъ самыми *низкими*. Они лгутъ въ доказательствахъ и спорахъ; заведомо обманываютъ избирателей; клеветаютъ на конкурентовъ и противниковъ. Одни продаютъ свои «голоса»; другіе ихъ покупаютъ — то за деньги, то за почести, то раздавая мѣста, то устраивая прибыльные или «благотворительныя» дѣла. Одни борются сплетней, инсинуаціей и интригой; другіе, будучи депутатами, берутъ деньги у правительства; третьи организуютъ партійные заговоры и перевороты; четвертые прибѣгаютъ къ ограбленію («экспроприація») и къ политическимъ убійствамъ. Люди начинаютъ думать, что «цѣль оправдываетъ средства»: воцаряются деморализація и авантюризмъ; обликъ политическаго лидера пріобрѣтаетъ черты профессиональнаго лжесвидѣтеля, взяточника и бандита.

Итакъ, духъ партійности *расшатываетъ у людей совѣсть и честь, и незаметно ведетъ ихъ на путь продажности и уголовщины.*

5. Въ этой атмосферѣ — и выборы, и партійное правленіе становятся дѣломъ порочной *демагогии*: партіи обращаются къ своекорыстному инстинкту народныхъ массъ, разжигаютъ темныя вождѣлѣнія, раздаютъ несбыточные обѣщанія, льстятъ толпѣ и, развращая народъ, постепенно доводятъ его до состоянія *черни*. Тогда и выборы, и правленіе пріобрѣтаютъ характеръ *распродажи съ молотка государственной власти*, и во главѣ государства становятся нравственно- и политически *худшіе* люди.

Итакъ, духъ партійности *развращаетъ народъ и ведетъ государство къ гибели.*

6. При всемъ этомъ партійный духъ создаетъ своего рода *массовый психозъ* въ предѣлахъ самой партіи. Человѣкъ, одержимый этимъ психозомъ, начинаетъ вѣрить въ то, что только его партія владѣетъ *истиной*, и притомъ *всею истинною* и *по всѣмъ вопросамъ*. Постепенно партійное настроеніе становится чѣмъ-то вродѣ «міросозерцанія», партійная программа превращается въ догматъ, а партійная польза — въ критерій добра и зла. Люди проходятъ черезъ стадію партійнаго *оглупнѣнія* и доходятъ до партійнаго *изувѣрства*. Возрѣнія дѣлаются плоскими, скудными, трафаретными; люди живутъ въ партійныхъ

шорахъ и видятъ только то, что предусматрѣно въ партійныхъ брошюрахъ; всѣ вопросы религіи, совѣсти, искусства и науки разрѣшаются на основѣ постановленій послѣдняго партійнаго «сѣзда», а честолюбивые вожаки почитаются, какъ вожди и пророки. Партійная политика становится единственнымъ источникомъ жизни и свѣта.

Итакъ, духъ партійности *извращаетъ все міросозерцаніе чловѣка, подчиняя все партійной пользѣ и насаждая въ душахъ неискоренимую пошлость.*

Понятно, что въ эмиграціи, гдѣ нѣтъ ни власти, изъ-за которой партіи борются, ни народа, который онѣ стараются увлечь и подмять подъ себя, — вовлеченіе въ партійность является *особенно празднымъ и вреднымъ дѣломъ.* Готовить для будущей Россіи мы должны именно не партійный духъ, а національный, патріотическій и государственный.

И. А. Ильинъ.

IV. О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОВОКАЦИИ.

(Правила и совѣты).

1. Если ты ведешь политическую борьбу, то ты долженъ крѣпко и зорко обдумывать свои поступки. Выбирая средства въ борьбѣ, ты долженъ руководиться не чувствами и настроеніями, а наблюденіемъ, анализомъ и волею; *надъ* ними остается только совѣсть и честь, ибо ставъ безсовѣстнымъ и безчестнымъ ты станешь пенуженъ ни своему *дѣлу*, ни своей борьбѣ.

2. Помни всегда, что ты—отвѣтственный «стратегъ» и «тактикъ»; и что стратегія не порывъ, а тактика не эксцессъ. Не-обдуманые порывы, легкомысленные эксцессы *всегда вредны дѣлу*; а могутъ и прямо погубить его. Поэтому помни, что такіе эксцессы нужны не твоему *дѣлу*, а твоимъ *врагамъ*.

3. Продумай разъ навсегда, что служа дѣлу добра и духа, ты борешься съ дѣломъ сатаны, и что эти два дѣла противостоятъ другъ другу. Поэтому: все, что вредитъ твоему дѣлу, — полезно сатанѣ; всякая неудача твоя, неосторожность, нерасчетливость, глупость, безтактная выходка, болтовня—все служить ему и его дѣлу. Додумай все это до конца и не ссылайся въ свое оправданіе на то, что тебя «обуреваютъ чувства», что у тебя «темпераментъ», или что ты «усталъ ждать». Умѣй дисциплинировать себя; иначе — ты не годишься для борьбы *).

*) См. мои статьи «О политической работѣ» и «Какъ хранить тайну» въ № 1 «Русскаго Колокола».

4. Помни: врагъ твой злѣ, коваренъ, изобрѣтателенъ; онъ все время *пробирается къ тебѣ въ тылъ* и работаетъ надъ его разложеніемъ. Ему необходимо: распознать твои планы и намѣренія; затруднить тебѣ борьбу за существованіе: замаскировать себя, т. е. внушить тебѣ, что онъ «силенъ», «удачливъ» и имѣетъ «благія намѣренія»: посягать въ твоихъ рядахъ смуту, уныніе и, особенно, *безцѣльные распри*; сорвать твою волю и выдержку; завладѣть твоимъ довѣріемъ; и, главное — *вовлечь тебя въ неподготовленные, неумѣло ведомыя, заранее обреченныя предпріятія*. Онъ всегда *провоцируетъ тебя*; помни это и не поддавайся его провокаціи.

5. Организуя провокацію, врагъ всегда ищетъ людей легко-вѣрныхъ, глупыхъ, неумѣющихъ распознавать другихъ, неопытныхъ въ конспираціи, и особенно *тщеславныхъ и безхарактерныхъ* (одно стѣбитъ другого). Помни, разъ поддавшись на провокацію, повѣривъ и подчинившись вліянію, — *ты самъ оказываешься въ положеніи провокатора*; правда, не по злой волѣ, а по глупости и легкомыслію: — но дѣлу отъ этого не легче.

6. Провокація *всегда* зловредна для дѣла, идетъ ли она прямо отъ врага или черезъ неумнаго и тщеславнаго единомышленника. Ея основная задача: *разрядить твою энергію въ условіяхъ невыгодныхъ или гибельныхъ для твоего дѣла* (не тамъ; не тогда; съ вѣдомъ врага; при невыгодномъ соотношеніи силъ) — и тѣмъ сорвать твою силу и сопротивляемость. Но она вредитъ и послѣ разоблаченія, вызывая уныніе, невѣріе въ свои силы, взаимную подозрительность и *преувеличенную оцѣнку вражьей силы и осведомленности*.

7. Поэтому, если ты дѣйствительно ведешь борьбу — живи бережно; не распускай вниманія; *не доверяйся зря*; не ходи къ врагу *болтать* и не воображай, что ты легко перехитришь его, ибо, *спровоцировавъ тебя на болтовню*, онъ *уже перехитрилъ тебя*. Зорко береги тылъ своей организаци и тылъ своей души. Не позволяй людямъ вовлекать тебя и твоихъ единомышленниковъ въ эксцессы. Не позволяй людямъ играть съ твоей совѣстью (укоромъ, подстрекательствомъ, дразнящимъ намекомъ, склоненіемъ къ глупой и вредной откровенности); или зря разжигать твой активизмъ и героизмъ. Владѣй собою. Не растрачивай силу. Не компрометируй дѣла. Учись обезвреживать провокацію врага; въ этомъ условіе побѣды.

Старый политикъ.

V. О БОРЬБѢ И СМЕРТИ.

(Для памяти).

Думаю, что благодать Духа Божія скорѣе исполняетъ тѣхъ, кои отъ всего сердца вступаютъ въ подвигъ.

Антоній Великій.

Съ раздвоеннымъ сердцемъ никто не можетъ сражаться на войнѣ Господней.

Іоаннъ Кассіанъ Римлянинъ.

Если и умрешь, не будешь побѣжденъ, но тогда-то и одержишь совершенную побѣду. Земля не приняла тебя въ свои граждане, но приметъ небо.

Василій Великій.

Человѣку не слѣдуетъ жаловаться на свое время. изъ этого ничего не выйдетъ. Время плохо. ну что же. для того онъ и живетъ, чтобы сдѣлать его лучше.

Карлейль.

Мужество не въ томъ, чтобы сослѣпу незамѣчать опасность. но въ томъ, чтобы видѣть ее и преодолевать.

Жанъ Поль.

Надо не просто дѣйствовать. но дѣйствовать съ увѣренностью, что успѣхъ зависитъ именно отъ тебя и только отъ тебя самого.

Вильгельмъ Гумбольтъ.

Важно. чтобы ты жилъ хорошо; не важно. чтобы ты жилъ долго.

Публилій Сиріецъ.

Жить стѣитъ только тѣмъ. за что стѣитъ бороться и умереть.

* * *

Тотъ, кто не боится смерти. тотъ ничего не боится.

Джорджъ Эллиотъ.

Меньше всего бояться смерти тѣ. жизнь коихъ наиболѣе драгоценна.

Кантъ.

Вамъ страшнѣе произнести мой смертный приговоръ, чѣмъ мнѣ — выслушать его.

Джордано Бруно (судьямъ инквизиціи).

Кто отрекается отъ самого себя, того всѣ покидаютъ. Если народъ отчаивается въ себѣ самомъ, то въ немъ отчаивается и мѣръ; исторія хранитъ о немъ вѣчное молчаніе.

Арнодъ.

Начинай! Только этимъ ты сдѣлаешь невозможное возможнымъ.

Карлейль.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
1. Побѣдить правое дѣло. Редакторъ	3
2. Армія. П. Н. Красновъ	8
3. Будущее русскаго крестьянства. И. А. Ильинъ	14
4. Аріонъ Пушкина. Н. Н. Ильина	22
5. Борьба за душу русскаго народа. Н. С. Арсеньевъ	28
6. Великіе строители Россіи. 2. Московскіе князья собиратели. И. И. Лаппо	34
7. Судьбы русскаго хозяина. В. П. Рябушинскій	44
8. О русскомъ фашизмѣ. И. А. Ильинъ	54
—	
I. Войны Россіи. Б. А. Никольскій	65
II. Россія въ міровомъ хозяйствѣ прежде и теперь. В. Ф. Гефдингъ	72
III. Ядъ партійности. И. А. Ильинъ	78
IV. О политической провокаціи. Старый Политикъ	81
V. О борьбѣ и смерти	83

Изданіе Якц. Общ. Печ. Дѣла „Саламандра“, Рига, Кузнечная ул., 43. Латвія.

ЕЖЕДНЕВНАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

СЛОВО

Съ 1925 г. выходитъ подъ редакціей Н. Г. Бережанскаго и И. С. Лукаша

Въ „Словѣ“ участвуютъ писатели:

С. И. Варшавскій, Г. Д. Гребеньниковъ, бар. В. Д. Дризень, Б. Зайцевъ, проф. И. А. Ильинъ, А. Купринъ, кн. А. П. Ливень, Вл. Лодыженскій, проф. А. Мельниковъ, бар. И. С. Полькентъ, М. Первухинъ, А. Ремизовъ, В. Сиринъ, А. Салтыковъ, Ариадна Тиркова, В. Унковскій, Ив. Шмелевъ и многіе другіе; также русскіе ученые, общественные дѣятели, депутаты русской фракціи Латвійскаго Сейма и Эстонскаго Парламента.

Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВО“ во всѣхъ центрахъ Европы, на Балканахъ, въ Америкѣ и Азіи.

Информация „СЛОВО“ изъ Совѣтской Россіи — раньше другихъ газетъ. „СЛОВО“ имѣетъ наиболѣе широкій отдѣлъ жизни въ провинціи.

Выходя въ часъ дня, „СЛОВО“ даетъ полную утреннюю и послѣобѣденную информацию за 24 часа

„СЛОВО“ имѣетъ обширную сеть провинціальныхъ корреспондентовъ. Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВО“ въ Литвѣ, Эстоніи, Финляндіи и Польшѣ.

Подписная цѣна въ Литвѣ въ мѣс.—10 литъ, въ Эстоніи—280 мар. эст., за границей—86,5 амер. центов.

Вышла изъ печати четвертая книга

БѢЛОЕ ДѢЛО

ЛѢТОПИСЬ БѢЛОЙ БОРЬБЫ

Матеріалы собранные и разработанные Барономъ П. Н. Вранелемъ Герцогомъ Г. Н. Лейхтенбергскимъ и Свѣтл. Княземъ А. П. Ливеномъ

Подъ редакціей А. А. фонъ - Лампе

Содержаніе: Е. К. Миллеръ — Борьба за Россію на Сѣверѣ. Г. Е. Чаплинъ — Два переворота на Сѣверѣ. Н. Бѣлогорскій — Въ дни Каледина. Д. Н. Потоукий — На Дону. Е. О. Емельяновъ — Воспоминанія добровольца. П. Н. Шатиловъ — Памятная записка о Крымской эвакуаціи. Н. А. Андрушкевичъ — Послѣдняя Россія. И. С. Коноплинъ-Горный — Крестоносцы. В. П. Апанчевъ — Корпусъ генерала Довборъ-Мусницкаго. Н. Д. Нелидовъ — Заговоры въ Петроградѣ. Документы: Объявленія и сообщенія Верховнаго Управленія Сѣверной областью. Переходъ Семеновскаго Полка
Приложеніе: Указатель книгъ и статей по исторіи Бѣлой Борьбы.
Цѣна книги: 1,75 доллара.

Редакція: Berlin W15, Lietzenburger Strasse 43IV

Складъ: „Градъ Нитежъ“, Berlin W62, Kleiststrasse 21

Книгоиздательство „Мѣдный Всадникъ“

Изданія Акц.-О-ва Печатнаго Дѣла „САЛАМАНДРА“
Рига, Б. Кузнечная 43

„ П Е Р Е З В О Н Ы “

№ 28 — Москвѣ, № 29 — И. Е. Рѣпину, № 31 — Балканской Освободительной Войнѣ, № 32 — Пскову и Новгороду (ко Дню Русской Культуры), № 33 В. Перову и С. Лиссиму, № 34 — Волгѣ, № 35 — Кіеву, № 36 — Сѣрову, № 37 — Венеціанову и Федотову, № 38 — Крыму, № 39 — (гот. къ печ.) Отечественной Войнѣ 1812 г. (къ 115 годовщинѣ). Цѣна номера — Лс. 1,—, за границей — 25 ам. цент.

КОМПЛЕКТЫ „ПЕРЕЗВОНОВЪ“:

за 1926 г. (№№ 9—27) — Лс. 18,—, за границей — 4,50 амер. долл.
за 1925 г. (№№ 1—8) — Лс. 6,—, за границей — 1,50 амер. долл.

САМАЯ СТАРАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА НОВОЕ ВРЕМЯ

Г О Д Ъ И З Д А Н І Я 25-й.

Основана **А. С. Суворинымъ** въ Санктъ-Петербургѣ въ 1876 г.

Условія подписки: 1 мѣс. 3 мѣс. 6 мѣс. 12 мѣс.

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. 45 дин. 125 дин. 250 дин. 400 дин.

За границу 1 дол. — — 5 дол. 10 дол.

Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждого мѣсяца
въ Главной Конторѣ газеты:

БѢЛГРАДЪ, ТОПЛИЧИНЪ ВЕНАЦЪ, 4

и во всѣхъ контръ-агентствахъ газеты.

„РОССІЯ“

Органъ національной мысли и освободительной борьбы

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

подъ редакціей

ПЕТРА СТРУВЕ.

Редакція и контора:

12, Rue Royer-Collard, Paris (5)

Tel. Gobelins 65 95

Цѣна отд. номера во Франціи 1 франкъ, въ Германіи 30 пф.

Подписка принимается въ редакціи
BERLIN W 50, AUGSBURGER STR. 56IV.
A. BUNGE.

По цѣнѣ: за три книжки 80 ам. цент.,
за шесть кн. 1,60 ам. дол. съ пересылкой.

Розничная продажа
во всѣхъ крупныхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ того:
въ Юго-Славіи журналъ можно выписывать
черезъ Представительство Н. А. Павловскаго
Новый Садъ ул. Змая Іовановича 25;
для Дальняго Востока представителемъ является
И. А. Глѣбовъ. Харбинъ-Модягоу.
Черноморская ул. 31.

Цена книжки
въ розничной продажѣ
36 ам. центовъ.

Verantwortlicher Schriftleiter
Professor Dr. Iwan Iljin, Berlin.

Redaktion :

Berlin W 50, Augsburger Straße 56^{IV}

Verlag „RUSSISCHE GLOCKE“

Inhaber: I. Iljin.